

Виктор Будаков

ПОДКОВА НА СЧАСТЬЕ

В КОЛЕСНИЦЕ ИСТОРИИ

В поздний час одинокий конь недвижно и смутно проступает на холме – в окоёме высокого неба, в туманном плену космической бесконечности. Чем – старостью или брошенностью – томится он, одинокий? Что в этот ночной час чувствуют миллионы их, на короткую ночь свободных от седока, от телеги, от скачек, от всемирного цирка? Что – в их беззащитных, многоповидавших глазах? Равнодушный ко всему высокому и живому век нынешний? Или исторически обозримые века, в которых конь делил с человеком его победы и поражения? Или – прадревние, в которых они были ещё порознь?

Опоэтизированный народным сердцем и разумом, конь – желанный гость сказок, песен и преданий. В ранних поэтических творениях многих народов мира он, соучастник небесных стихий, предстаёт крылатой летучей силой – поистине космической. Именно космос олицетворяет он у древних индусов. Из морских пучин к небу взмывает он у греков. На огненной квадриге носится греческий солнечный бог Гелиос. В небесных просторах скачет восьминогий конь верховного бога скандинавских племён. Из своих чертогов на трёх конях – серебряном, золотом и алмазном – выкатывает солнце красное у славян. У них же день является на светлом скакуне, ночь – на чёрном.

Образ буйного ветра – образ коня у наших предков. Но стремительный, крылатый, любящий мчаться и лететь, конь, случается, не в силах сдвинуться с места: заколдован. Богатырский конь томится в тёмной горе, в глубоком подземелье, под железными замками; добро в конце концов побеждает, и златогривый конь мчится на помощь, несёт добрую весть.

Сказочный, волшебный, он волшебным чутком. Видит то, что происходит за горами, за долами. Чувствует то, что случится завтра. Верность и нужность его сохраняются и после смерти: вздетый на подворный плетень конский череп – оберег от нечистой силы. Разумеется, поэтическое, подчас и суеверное сознание – не в одну краску и грань, видит коня не только доброго. Злые вороги налетают на злых лошадях. Ведьмы вдруг превращаются в кобылиц и чёрным вихрем шумят и проносятся по ночной земле. В коне – свет и мрак. Чаще свет, нежели мрак. Такова поэтическая традиция древности.

А что было до того, как человек приручил коня, создал волшебнopoэтический, философский образ, летящий от сказки к сказке, от народа к народу?

В бездне времён человеческому взору трудно что-либо разглядеть, приходится на веру принимать тот иппологический путь, который реконструирован наукой. Лошадь величиной с лису? Да, эогиппус,

первобытная лошадь, обитательница Америки. Впрочем, поди разберись, что там было в Америке, как и на всей земле, шестьдесят миллионов лет назад? Немногим яснее нашему восприятию и характеру – европейская древняя лошадь. Прародительница современной – лошадь Пржевальского – иная статья: её ещё можно увидеть, пусть и в немногих зоопарках мира.

Пройдут тьмы и тьмы лет, прежде чем конь будет приручен человеком (на первых верстах человеческой цивилизации, около пяти тысяч лет тому назад). Приручен до такой почти неразделимой близости, что человеческое воображение создаст миф о конечеловеке; миф, не забытый и последующими столетиями: кентавр забредает на страницы даже современных произведений.

Все, чём жил древний человек, стало и жизнью коня. В великом переселении народов, поиске и освоении новых территорий кони – под седоками, навьюченные, впряженные в кибитки – “действовали” не меньше, нежели вожди и воины.

Подробности теряются во мгле времён. Знаем не более того, что доносит эхо поэтических преданий и о чём находят нужным сказать древние хроники, летописи, исторические книги. Грохот египетских, ассирийских колесниц, густая пыль из-под грозных квадриг; мидийские, несейские, парфянские лошади, кровь которых благотворно сказалась на будущем мировом коневодстве, на лучших породах, в особенности – на ахалтекинских и английских чистокровных верховых. Скифские наездники. Полумифические амазонки. Весь причерноморский, приазовский край нашего отечества в древности – на коне. Скиф – что кентавр: конь его второе я. Скифская лошадь своей неприхотливостью и выносливостью – на зависть дальним и ближним соседям. Недаром Филипп, царь македонский, распорядился пригнать с Днепра и Дона, со скифских земель двадцать тысяч кобылиц. Как знать, быть может, они, или рождённые от них, по неутомимости и выживаемости оказались основной силой в войске его сына, когда тот отправился на завоевание Востока? Александр Македонский любил своего Буцефала, которого сумел укротить ещё в отроческие дни. Буцефал был крепок, бесстрашен, непобедим, во всём чувствовал волю и любовь своего хозяина; но и другие кони в войске Александра Македонского устояли на суровых бездорожьях переходов и сражений.

В древности конь волею или прихотью властителя бывал осыпая почестями самыми высокими и неожиданными. Случались даже курьёзы зловещие. Вспомним, римский император Калигула возвёл своего любимца с гривой и о четырёх ногах в сенаторское достоинство и последнего торжественно вводили под своды римского Сената. Более достойные властители-полководцы находили иные способы отблагодарить верного коня. Монтень в своих “Опытах” пишет: “О коне Александра Македонского известно, что голова его походила на бычью, что он позволял садиться на себя только одному господину, не подчинялся никому, кроме него, а после смерти удостоился почестей, и даже город был назван его именем.

У Цезаря была столь же удивительная лошадь, с передними ногами, напоминавшими человеческие, и копытами, как бы разделёнными на пальцы. Она тоже не позволяла садиться на себя и управлять собой никому, кроме Цезаря, который после её смерти посвятил богине Венере её изображение”.

В древние времена кто был с конём, тот был и на коне. Где конь – там и сила. Там и власть. Там и слава. В Риме было даже особое сословие – сословие всадников, деяниями которого возвышался вечный город.

Великие просторы от Дуная до Волги – поле враждебных и мирных встреч многих племён и народов. Историческая купель народов. Успех несут лошади неприхотливые, низкорослые, но подготовленные так, что им под силу скакать хоть до Атлантического океана. На великих просторах, ещё не освоенных людьми под ниву, человек и конь творили образ Истории.

Столетие за столетием война оставалась основным делом, уготованным коню человеческой волей. Основным, но не единственным. В седьмом веке до Рождества Христова кони впервые участвуют во всегреческом празднике – Олимпийских играх; правда, праздничные бега оказались больше похожими на побоище: из ста шестидесяти лошадей в сорока квадрагах почти все покалечились, а из сорока возниц в живых остался один.

В главной книге человечества, ещё в Ветхом Завете, разумеется, есть и кони, и колесницы; в Новом Завете они особенны: в своём Откровении евангелист видит “голова коней, как головы львов, и изо рта их выходит огонь, дым и сера”; но более всего на протяжении двух тысячелетий человеческие души волнуют четыре всадника Апокалипсиса и четыре коня – белый, рыжий, вороной и бледный; страшен тот новозаветный конь бледный, страшен и «всадник, которому имя смерть: и ад следовал за ним, и дана ему власть над четвёртою частью земли – умерщвлять мечем и голодом, и мором, и зверями земными».

Итак, в начале первого тысячелетия от Рождества Христова люди оповещены о грядущем Апокалипсисе. Жизнь человеческая меж тем словно бы плутает, сходя с Божественного светящего пути на дороги тёмные, начертанные дьявольским искусом. Из круга в круг, от мира к войне, от любви к ненависти, от милосердия к жестокости. И конь – соучастник человеческой жизни в её победах и поражениях, на её светлых и тёмных дорогах.

В конце первого тысячелетия греческие, римские, арабские, скандинавские хроники много пишут о славянах. Наши предки, восточные славяне, пришли не на историческую пустошь. Скифы, да и не только они, оставили после себя могильные курганы. В курганах – когда-то преданные закланию лошади, неразлучно захоронённые вместе с вождями и знатными воинами, ибо скиф верил, что лошадь понадобится ему и на том свете. На вазах, извлечённых из скифских курганов, наиболее частый сюжет – воин с конём. Но и на славянских раннепоселенческих пядях – сюжет с конём. Найденный на Белогорском городище под Воронежем серебряный гребешок

украшен двумя лошадиными головами: головы повернуты в разные стороны, словно бы в предчувствии скорой раздробленности славянского мира, когда сын перестанет понимать отца, брат – брата, конный – пешего. Воссесть на «бръзые комони», дабы узреть «синего Дону», призывает дружинников новгород-северский князь Игорь, но туда ли он правит их? Наспех соберясь, не став слушать разумных советов-предостережений, не договорясь даже с сопредельными княжествами о совместном походе? Гибнет дружина, гибнут люди и кони. В тот день и в тот час ещё где-то идёт сеча (велика для горя земля!), и гибнут люди и кони. И несет своё бремя лошадь, даже если и не в битве, – в оглоблях ли повозки, или под вьюком, или под рыцарем на праздничном турнире.

Конь при всём том и почитаем, особенно, когда он – соделатель побед и богатств хозяина или племени. Без арабской лошади халифат не достиг бы Атлантического океана. Но арабская лошадь, от крови которой пошли чуть не все прославленные породы, не из сказки же явилась! С детства бедуин не хуже скифа срастался с лошадью, до самой смерти она была для него всем, он её лелеял, холил и закалял, покрывал лучшим жеребцом; он воспринимал её почти мистически, помня слова Пророка: “Да не отважится злой дух проникнуть в шатёр, где находится лошадь чистой крови. Каждую ночь да ниспустится к ней ангел, поцелует её в лоб и благословит хозяина”.

Дорог конь восточному бедуину. Не менее – и западному рыцарю. Скакун Вельянтиф дороже дороже бесстрашному, легендарному рыцарю Роланду, спешащему горными испанскими теснинами сразиться с сарацинами. Скакуны, впрочем, редкость. У тяжело одетых в железные доспехи рыцарей и лошади обычно были тяжелоходкие, массивные, сильные, под латами могшие долго не утомляться. Лошадь, понятно, не дама сердца, но случилось, что и им пылкие рыцари посвящали стихи, благодарные за их верность в походах и сражениях. Так же – и на турнирах, где победителю доставались конь и доспехи побеждённого. Под турнирами – праздниками рыцарства – гудело пол-Европы, и лишь после того, как на одном из них в 1559 году был смертельно ранен французский король, они сошли на нет.

Крестьянскому миру всюду – от каталонских до подмосковных земель – конь требовался не меньше, нежели миру рыцарскому; естественно, не для игр и состязаний, но для двора и нивы. Сколько их вспахивало лишь русскую северную неудобь? Савраски, сивки, бурки, гнедки, да чубарые, да буланые, а чаще пегие, мухортые, соловые да мышастые, а высокой масти, вроде игреневой, и в помине не было, потому что из века в век так велось: мать пегая – паши, и ты пегий – паши! Наступал час – потомки Микулы Селяниновича выпрягали из сохи своих пегих, облачались в кольчуги. Нива становилась полем битвы, пропитывалась кровью.

“И сошлись грозно оба великих войска, жестоко друг друга уничтожали; не только от оружия, но и от великой тесноты под конскими копытами умирали, потому что нельзя было вместиться на том поле Куликовом... В

единый час, в мгновение ока, о сколько погибло душ человеческих, созданий Божиих!” – горестно восклицает летописец, может, сам участник битвы, видевший, как великими тысячами полегли люди и кони с обеих сторон.

Иконы осеняют славянскую рать. Георгий Победоносец, всадник, пронзающий копьём змея. Глеб и Борис на конях. Осеняет и икона Донской Богоматери, доставленная на поле битвы казаками и после битвы подаренная князю Дмитрию Донскому.

В последующие века на порубежном поле казаки заявляют о себе как стойкая, решительная сила. Надолго они станут преградой кочевому набегу. “Конно, пешно и оружно” расширяя пределы Руси, пройдут Сибирь, дойдут до Тихого океана. Конь на протяжении столетий – казачья судьба. Здесь не полцарства, а вся жизнь, бывало, шла за коня. На хорошего коня казачий мир золота-серебра не жалел. И времени тоже. В набегах, в табунах, на домашних конюшнях отбирались лучшие из лучших. К началу XIX века была выведена донская порода – лошадь быстрая, сильная, выносливая и неприхотливая, она испытывалась на кровавых полях Аустерлица и Бородина.

Век за веком силой, статью, красотой совершенствовалась лошадь, рождались и укоренялись новые породы, беря лучшее от старых. Но многих поглощала война. В 1812 году кони едва не всех пород Европы – испанские и голландские, неаполитанские и французские, датские и ганноверские, брабансоны, арденны, першероны – в упряжке и под седоками участвовали в наполеоновском походе на Россию; и почти все они пали, если не под оружейным огнём, то в бескормице и холоде отступления, и мёрзлая конина стала последней и единственной пищей отступающих.

Бородинскую битву немислимо представить без коня, участием которого, впрочем, надо отдать половину успеха во всех великих сражениях древности и средневековья, исключая разве битву при Каннах, где Ганнибал двинул против римской конницы слонов, расстроил и смял ими её ряды. И в Бородинской битве, хотя главная роль принадлежала пушкам, конница и кони оставались на самых опасных, а подчас и решающих участках; но и потери были не меньше, чем людские, а драма коня, поскольку он и вовсе не имел выбора, была ещё большей, нежели человека. Участник Бородинского сражения писал: “Кони расседланными табунами носились по полю, обезумев от дыма... Кони, обузданные артиллерийской упряжью, представляли совсем другое зрелище... Понутив голову и опустив её к коленям, под громом и стуком сражения, они стояли смиренно, почти неподвижно, по временам вздрагивая всем телом и едва передвигая ноги. Человек разведывался с человеком; а они, бессловесные, были посторонние в этой расправе существ, имевших дар слова; но с каким самоотвержением и в деле для них чуждом отдавались они своим поводам и следовали за движением руки, часто бросавшей их в самый разгар гибели и сечи!”

Пройдёт ещё век, запоыхает небывалая прежде по масштабам, охвату стран, территорий, человеческих масс война. Первая мировая. Потери и людьми, и лошадьми окажутся огромными. До первых залпов мирового побоища на земле насчитывалось около ста миллионов лошадей. Около трети – в России. И едва не трети она лишилась в той войне, трагически переросшей на отечественных просторах в войну гражданскую. Неслись в атаку казачьи лавы, шла белая конница, проносились красные тачанки – всюду требовалась лошадь. Под огонь призывались и племенные знаменитости, и деревенские савраски. Пашущий конь был выпряжен и впряжён для войны. Конезаводы потеряли тысячи отборных жеребцов и кобыл. То были и драма народа, и драма коня.

В дни трагического разлома и слома державы, когда истерзанная войной и революцией Россия сильной, но обречённой своей частью уходила из России, вверяясь чужбине, в эмиграции оказались и кони. Разумеется, в меньшем числе, чем люди. Спешно отчаливали от крымских, причерноморских причалов перегруженные суда, битком набитые военными, женщинами и детьми. Как было найти место ещё и коню? Гнедые и вороные бросались с причалов и плыли за пароходами, за своими хозяевами – несчастными корнетами и поручиками, всё потерявшими на свете, мужественно вынесшими потерю всего, но не могшими вынести и видеть, как преданные им кони плыли за ними уже невозвратно, – в мрачной пучине ища свою гибель. У прекрасного поэта, казачьего Дона уроженца, находим потрясающие строки об этом:

*Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня;
Я с кормы всё время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Всё не веря, всё не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь всё плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо –
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.*

Во Второй мировой войне исход её сражений предопределяли не конные, а танковые, железные корпуса и армии. Но и кони ещё ходили в атаки, подвозили боеприпасы, служили фронту и тылу. Война и здесь прибрала лучших. Парад на Красной площади маршал Жуков принимал на сильном и

породистостью именитом белом коне, но на деревенских конюшнях уцелели разве что клячи.

Вскоре после войны в стране, правда, появились новые породы. Но так случилось, что во второй половине двадцатого века, утратив назначение быть воином и кормильцем-землепашцем, конь в России, да и не только в России, попятился на задворки, где-то и вовсе оказался не нужен.

Исподволь утрачивается, если не утрачен и народный взгляд на него – то бережное, заботливое, разумное отношение, какое народ запечатлел даже в пословицах: “Погоняй коня не кнутом, а овсом”, “Сенным конём не ездить, соломенным не орать”, “На лошадь не плеть покупают, а овёс”, “Гладь рукой, а посыпай мукой”, “От хозяйского глаза и конь добреет”. Разумеется, подмечалось и иное – частное: “Не верь жене в подворье, а коню в дороге”, но не это было главным чувствованием; собираясь в дальний путь, человек говорил: “Помилуй, Господь, коня и меня”, – конь назывался первым...

Что ж, иные времена, иная теперь жизнь. Чаще всего обходящаяся без коня. Ускакали степные ямщицкие тройки, оборвались и дворянские осенние охоты, без коня, как и без гончих, немислимые; не увидишь ныне и бурлацких тяжеловозов, что донскими, волжскими берегами влекли гружёные баркасы; редко увидишь и гнедого иль вороного в поле.

Переводятся лошади, которые ходили под грузами, которых веками знали пашни и поля сражений. А лошадь Пржевальского, прародительница ныне существующих? Всех живущих на свободе и в зоопарках лошадей Пржевальского, лишь во второй половине XIX века открытых, исследованных и тогда же полуистреблённых, сегодня, по художественному и грустному сравнению известного естествознателя, не больше, чем подлинных картин Рембрандта. Так что же, конь – наша история? Сказка? Ушедшая быль? Что делать ему в нынешнем мире “железной конницы”? Что ждёт его завтра? Возможен ли “лошадиный ренессанс”? Или же главные дороги-пути конём пройдены, а сам он непогибаемо запечатлён в тысячах книг, полотен, скульптур, таящих часто смысл пророческий? Могучий Медный Всадник и бронзовый конь под ним – не есть ли образ нашей общей вздыбленности, нашей устремленности – куда? Может, и весь мир – как Витязь на распутье из васнецовской картины?

Более полутора веков минуло с той поры, когда Гоголь создал бессмертный образ птицы-тройки, и понеслась эта тройка по широким земным просторам...

“Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несёшься? Дымом дымится под тобою дорога, гремят мосты, всё остаётся и остаётся позади... Русь, куда же несёшься ты?”

Великие скорости нашего времени. Лайнеры, экспрессы, лимузины. Но летучего бега коня ничто не заменит. Никакие – ни теперешние, ни будущие скорости.

СТОЛИЦА ОРЛОВСКОГО РЫСАКА

Вдоль асфальтовой дороги, вдоль тыльной стороны лесопосадки, полем-степью мчится молодой конь. Мчится так, словно весь он в едином устремлении – не дать себя обогнать скоростной машине-иномарке.

“Милый, милый, смешной дуралей, ну куда он, куда он гонится?..”

Железный, село прорезающий путь в четыре рельса пронесит громыхающие составы: какие – в Сибирь, а какие – обратно. Сельская улица под пирамидальными тополями выводит к строю старинных, для села неожиданных зданий классических форм – с рустованными стенами, арками, колоннами, куполами. Перед фасадом архитектурного ансамбля – беговой круг.

Скульптурная фигура скачущего коня. Скульптурная, в пояс фигура человека.

На памятнике надпись: “Граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский (1737-1808). Основатель Хреновского конезавода”. Имя, хорошо известное не только в здешнем крае, на воронежской земле. Орлов – царедворец. Орлов – флотоводец. Орлов – коннозаводчик. Фамилия, по которой названа выведенная им порода знаменитых рысистых, – орловский рысак.

К беговому кругу примыкает старинный парк. Пруды и небольшой лог, по которому когда-то струилась небольшая речка Хреновка, с берегами, сочно заросшими крупнолистным хреном, разделяют село на две части. Речка дала название селу: Хреновое. Ударение на последнем слоге устраняет первичное восприятие неблагозвучности.

Большое село, “лошадиный город”, конская столица.

Столица орловского рысака. С чего она начиналась?

ЗАГОВОР

То была вторая половина XVIII века. На немеряных российских пространствах, ещё не опоясанных железными рельсами, требовалась лошадь, способная в упряжке преодолевать отечественные большаки и тракты. Насколько удобны они были для долгой езды, можно судить по часто вспоминаемому, – и больше похожему на предание, – ответу русского ямщика на вопрос Екатерины Второй: возьмётся ли он доставить австрийского императора в русскую столицу за полтора суток? Лихой ямщик бодро пообещал исполнить всё в срок, но при этом выразил сомнение: в австрийской царственной особе останется ли цела душа после такой езды? Ямщик явно брал через край: не на ковче-самолёте же надеялся он покрыть немалое расстояние всего в полтора суток? Дороги на Руси испокон веку были худоезжими, но ведь и кони быстролётные (дым из ушей прядёт!) удавались не часто, разве что в сказках. Или ямщик рассчитывал на завозимых из-за границы лошадей – отборных, парадных? В таком случае,

сразу же уместно вспомнить эпизод из гвардейской молодости Алексея Орлова – эпизод, может быть, опаснейший во всей его незаурядной жизни.

Двадцатипятилетний гвардеец Алексей Орлов – мозг и душа заговора против императора Петра Третьего – в требовательно подоспевший летний час 1762 года вместе с Екатериной, будущей управительницей Российской империи, устремились из Петергофа в Петербург в карете, что называется, золочёной, в которую впряжены были неаполитанские лошади – длинногривые, длиннохвостые – парадные. Но затеянное дело меньше всего походило на парад – шаткое, смертельного риска, и мчаться в столицу пришлось во весь дух. Однако “неаполитанцы” скоро выдохлись из сил и, не доехав до заставы, безнадежно, как вкопанные, остановились. Бездейственное промедление грозило немалыми бедами. Гигант-гвардеец славился отчаянной удаleyю и неустрашимостью – ни в загульных, кутежных стычках, ни в сражениях в Семилетней войне за голову не держался. Но в случае провала поспешного заговора полетела бы не одна его голова. И не только головы его близких. Россия, ещё недавно возвеличенная победами на прусских полях, по воле и блажи Петра Третьего, безрассудного поклонника Фридриха Второго, оказалась бы прочно привязана к прусской колеснице.

В соседней деревне впрягли в карету первых попавшихся коняг и так, в комически-странном сочетании пышно-сановитого и скромно-крестьянского, добирались до заставы.

Не станем гадать: в те ли часы, когда на волосок от провала и гибели Орлов недобрыми словами честил неаполитанских парадных, или позже, когда он обрёл возможность приобретать коней лучших пород, – в нём занялась и утвердилась мысль развести отечественного коня, ещё не бывалого. Крупного, сильного, но и быстрого, лёгкого; парадного, но и рабочего; верхового, но и упряжного... Не боящегося дорог и бездорожий, дождя и снега, пригодного “возить и воду, и воеводу”. Безотказно хорошего и в санях, и коляске, и в тройке, и в качалке.

У заставы будущую императрицу и будущего графа – в напряжённой тревоге, считая медлительные капли минут, – поджидали сообщники. В Петербурге Екатерина спешит в гвардейские казармы, и конно-гвардейцы, измайловцы, семёновцы и преображенцы, недовольные чуждыми, антирусскими нововведениями голштинского отпрыска на русском престоле, присягают Екатерине на верность.

Петр Третий низложен, и ему ничего не остаётся, как написать отречение. Видимо, не без подсказки заговорщиков своё отречение он объясняет неспособностью управлять великой империей ввиду малых и слабых своих сил.

Алексей Орлов с детства любил коня. Но, быть может, никогда он не чувствовал себя на нём так уверенно, как в первый день после удавшегося переворота. Поистине он был на коне!

МОРЯ И ЗЕМЛИ АЛЕКСЕЯ ОРЛОВА

После дворцового переворота и восшествия на престол Екатерина Вторая осыпает род Орловых (пятеро даровитых братьев) всяческими милостями.

Алексей в одночасье перешагивает из сержантов в генералы. Лошади, драгоценности, награды – как из рога изобилия. И, конечно, земли. И, разумеется, – с крепостными.

Идёт коронация в Москве – недавний заговорщик получает на грудь орден Александра Невского. Позже будет пожалован орденом Андрея Первозванного: Орлов замирит донских казаков, готовых было поддержать татар, когда те собрались напасть на Украину. Выпадет ему и быть удостоену тогда только что учреждённого ордена Георгия Победоносца, – георгиевский крест первой степени он получит за Чесменское морское сражение.

Чесменская победа, русская экспедиция в греческий Архипелаг – особенная веха не только на жизненном пути Алексея Орлова, но и значительное событие в военно-морской поступи России. И рассказать об этом следует поподробнее.

Петровская тяжба России с Турцией и попытка пробиться к Чёрному морю закончились малоутешительным образом: после окружения у реки Прут русской тридцатитысячной, царём возглавляемой армии всемеро сильнейшим турецким войском пришлось возвратить прежде завоёванные крепости у Азовского моря и даже передать в турецкие руки и воды построенные на Воронеже и Дону корабли.

Наступая на юге и на севере, Пётр Великий добился многого в расширении государственных пределов, однако, к Чёрному морю, как ни старался, не пробился. Екатерине Второй надлежало довершить начатое, но не довершённое им.

В 1768 году Турция, предъявив России ультиматум, первой развернула свои воинственные знамёна с изображением полумесяца. Но и Россия с готовностью приняла вызов. Призрак Константинополя (как освобождённой христианской святыни?.. как третьей русской, или даже всеславянской, и, может, всеправославной столицы?..) веками занимал северного соседа, представал мысленному взору государственной власти, духовным очам общественного сознания. И, возможно, тот призрак никогда не был столь близко к реальности, как во времена царствования Екатерины... Дважды – достижимо близок.

Вольтер в одном из своих посланий Екатерине писал, что победоносный исход войны дал бы возможность превратить Константинополь в столицу Российской империи; писал, как говорит историк Ключевский, “шутя”, но ведь шутка обычно – инообраз чего-то серьёзного, и дыма без огня не бывает.

К слову сказать, Орлов ввиду успешного противоборства с Портой надеялся, что по завершении войны Константинополь если и не будет присоединён к Российской империи, то русская эскадра возвратится на родину не кружным путём, а через Босфор, на виду у всего Константинополя, и пролив навсегда будет открыт для русских.

Когда началась русско-турецкая война 1768-1774 годов, Алексей Орлов был в Италии, где прожил не один месяц. Он хорошо знал настроения соседствующих с итальянцами балканских народов, тогда одинаково неприязненных к Османской Порте как порабощительнице. И он предложил императрице заманчивый, но трудно исполнимый, крайне рискованный план – в огиб Европы направить в Средиземное море, в Архипелаг русские корабли и войска, дабы воодушевить греков, сербов, черногорцев на восстание, русским присутствием устроить турков у их же порога, а, может, и продиктовать им свою волю. Екатерина – государыня не из импульсивно-авантюрных особ – проницательная и умевшая, когда требовалось, быть осторожной, всё же склонилась перед заманчивостью орловского замысла. Без недолгих нашла она и главнокомандующего экспедиционным предприятием: орловский остросюжетный проект предложено было осуществить именно Орлову.

Здесь требуется небольшое отвлечение. В назначении “неморского” человека командовать морским предприятием многие усматривали, а иные и по сей час усматривают, некий “отдарок” Екатерины роду Орловых как за дворцовые услуги самого Алексея, так, главное, и брата его Григория – в ту пору императрицыного фаворита.

Подарок, скажем, более чем странный: не поместьями, не золотом-серебром, но временным назначением возглавить дело, в котором таилась тьма случайностей и которое бог весть чем и как могло закончиться, – то была ступенька явно не из лестницы, что надёжно и безоблачно ведёт на карьерную вершину. Да и Алексей не был карьеристом в привычном смысле слова: рисковать, тягаться силами, идти под пули, ядра, сабли – это была его природа, его стихия, ему и впрямь, как былинному богатырю, не только же гвардейцев и иных в лежачий ряд своими кулаками на схватках-гульбищах укладывавать, да ещё намертво схватывать руками колёса, враз останавливая кареты, запряжённые тройкой а то и цугом, где бывало и до восьми лошадей...

Что же до фаворитства, то отнюдь не им российская жизнь определялась, и у императрицы государственные и постельные дела переплетались вовсе не в той степени, как это живописуют пристрастные современники и потомки. Да, два Григория – Григорий Орлов и позже Григорий Потёмкин – были фаворитами государыни, но Румянцев, но Суворов, но Ушаков вовсе таковыми не являлись, и не с царицыной двуспальной кровати начиналось их восхождение. Екатерина была чутка на таланты, обычно давала им возможность раскрыться сполна.

И кому было поручить ещё не бывалое и предельно опасное морское начинание, как не Алексею Орлову, человеку больших сил и большого ума, редкого мужества, отчаянной дерзости, но и холодной трезвости, широкого, но и расчётливого и, немаловажное обстоятельство, способного ни перед чем, решительно ни перед чем не остановиться, лишь бы исполнить задуманное? Может, людей с таковыми данными было на Руси не на один загиб пальцев, но Екатерина-то знала одного, и знала более чем хорошо по

дворцовому перевороту и всему, что так или иначе ему сопутствовало. И пусть чин адмиральский был присвоен Орлову прежде времени, но в чужом море, у враждебного берега он данное ему звание оправдал вполне.

Провести старые корабли через долгие воды, близ берегов тогда к России враждебной Франции с союзными ей Испанией и Неаполитанским королевством, было непросто, но капитаны справились, хотя и не без потерь. Первой вошла в Средиземное море эскадра многоопытного Спиридова и сопровождавшего его Грейга. Корабли Спиридова и Грейга и стали главной силой в Чесменском сражении. Позже к ним присоединился Эльфинстон, англичанин на русской службе, но у командующих эскадрами сразу же обнаружилась взаимная неприязнь, началась распря. Прибывший из итальянского города Ливорно Алексей Орлов враз положил конец распре, словом и всем видом показав, кто есть истинный главнокомандующий.

Орлову было поручено общее руководство экспедиционными войсками на суше и на море, и действия были решительны: в первой половине 1770 года на берегах греческого полуострова, на островах Архипелага высадились русские десанты, к ним тут же присоединились греческие повстанцы. Отряды складывались разнородные и недостаточные, так что занятые крепости и территории приходилось вскоре и оставлять, но, как бы то ни было, отвлекающая эта малая война была в помощь главным русским силам, под командованием Румянцева наступавшим с севера.

“Явление” вооружённой русской экспедиции в турецких водах имело широкий европейский резонанс. Недоставало существенного аккорда – морского сражения. Сражения, в котором бы флот сухопутной державы померялся огнём и мужеством с флотом страны морской, не один век державшей в страхе Средиземноморье. Но турецкий флот, судами и пушками куда больший русского, встречи избегал, неделями за ним приходилось охотиться, устремляться ему вдогонку. Наконец в Хиосском проливе, близ анатолийского берега, желанная для русских и нежеланная для турок встреча состоялась.

Поутру 14 июня 1770 года на горизонте, неподалёку от Чесменской бухты, турецкий флот был замечен, и Алексей Орлов, не мешкая, распорядился всем кораблям идти на сближение и атаковать турок.

То была прелюдия Чесменского сражения.

Скоро запылало турецкое адмиральское судно, подождённое пушечным огнём с “Европы” и “Евстахия”; но последнего течением снесло прямо на жаром исходящий флагман, откуда при столкновении на палубу “Евстахия” рухнула огненным столпом грот-мачта; в открытый снарядный трюм посыпались горящие головешки, и в считанные минуты корабль взлетел на воздух. Вскоре та же участь постигла и турецкое судно, на борт которого, преследуя турок, устремились перед тем русские матросы.

Как только стало видно, что “Евстахия” неотвратимо сносит на пылающий вражеский корабль, были посланы спасательные лодки. И всё же полтысячи офицеров, солдат и матросов погибли. Спаслось десятикратно

меньше, среди них – капитан “Евстахия” Александр Круз и брат командующего – Фёдор Орлов.

Вскоре военные суда Порты в беспорядке отступили в Чесменскую гавань.

Когда турки дали запереть себя в бухте, Орлов происшедшее оценил молниеносно: западня! Турки сами себе устроили ловушку. И пусть у них было двукратно больше кораблей, русский командующий почувствовал, что не количество здесь решающая сила. Разумеется, риск был велик, но где и когда Орлов боялся риска!? Уже на следующий день, к вечеру он распорядился атаковать вражеский флот. Первыми двинулись брандеры, которыми командовал Ганнибал, “пред кем среди чесменских пучин громада кораблей всплыла”, – писал Пушкин, не без гордости за своего деда. Но с брандерами не всё сложилось так, как замышлялось, и основной огонь на турок дохнул с линейных русских кораблей.

Сражение началось и уложилось в ночь с двадцать пятого на двадцать шестое июня 1770 года. Чесменское сражение позже опишут стихи и романы, отобразят известные и безвестные полотна. И везде в строке и краске главный “герой” ночной битвы – огонь. Огонь пожирает корабли, огнём полыхает полнеба, кажется, что огнём исходит сама вода – морская пучина, куда с горящих палуб бросаются толпы ещё недавно грозного воинства. Так было и в действительности. Всю ночь светила луна, всю ночь полыхал подпалённый флот. К утру турки были полностью разбиты, оставляли не только горевшие суда и прибрежные батареи, но и бежали из городка.

Поутру граф с адмиралами совершил осмотр побоища. Зрелище было более чем печальное: как бы морской Аустерлиц, тысячи погибших, остовы обгорелых кораблей, плавающие обломки, беспомощные раненые, тянущие просительно руки к недавним врагам. Раненых Орлов велел подобрать и перевезти на суда “для перевязывания ран и подания возможной помощи”.

Вскоре всех пленённых в сражении отпустили, и не только иностранные консулы, европейские дворы, но и турки вынуждены были признать великодушные русских и их главнокомандующего.

Как развивались события далее? Острова греческого архипелага приготовились ввериться русскому скипетру. Экспедиционные войска блокировали Дарданеллы, и Стамбул пребывал “в страхе перед голодом и нашествием”. Малыми силами в Средиземноморье, разумеется, нельзя было по-настоящему закрепиться, но до заключения мира Архипелаг надо было непременно удержать. И он был удержан. В конце октября 1772 года новая эскадра, основу которой составляли корабли “Граф Орлов”, “Чесма”, “Слава”, разгромили турок у острова Патрас. Вскоре корабли Порты потерпели поражение у крепости Дамьетта. После столь ощутимых военных неудач турки предоставили русским беспрепятственно бороздить воды Архипелага вплоть до 1774 года, в котором и был, наконец, заключён мир.

А что же Орлов в эти несколько лет? Больше живёт в Европе, а когда в марте 1772 года прибывает в Петербург, ему оказывают почести как триумфатору. Его фамилия удлиняется почётным добавлением –

Чесменский. Его именем называют корабль. Изготавливают медаль с изображением победителя. В Царском Селе ему устанавливают памятник.

Совсем иначе встретили Орлова, когда через несколько лет он снова вернулся из Европы, где делил время меж пристрастиями к коню, к книге и “русскими делами”. Одно из таких дел – увод со сцены известной “княжны Таракановой”.

История по тем временам не из редких: в Европе объявилась претендентка на русский престол, “княжна Тараканова”, назвавшая себя дочерью Елизаветы и Разумовского, и ей быстро удалось взбудоражить европейское общественное мнение. Екатерина распорядилась схватить “побродяжку”. Но как поискуснее исполнить волю императрицы? Деликатная миссия поручается Орлову-Чесменскому, и надо признаться, что её исполнение – не самое лучшее и не самое нравственное. Он знакомится с красавицей-самозванкой, ему удаётся завоевать её доверие и расположение, он обещает ей добыть русскую корону, влюбляет в себя обворожительную искательницу престола и просит... выйти за него замуж. С помощью подкупленных английского консула и его жены заманивает её на судно стоявшей близ Ливорно русской эскадры, где инспирируется, громко возглашается коронация и свадьба. После чего граф и англичане возвращаются на итальянский берег, а эскадра адмирала Грейга берёт курс к берегам России.

Упрятанная в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, несчастная “княжна Тараканова”, будущая героиня многих повествований и полотен, умирает от чахотки двадцати четырёх лет от роду. Умирает, успев родить сына. Современники почти не сомневаются: отец в неволе рождённого дитяти – Алексей Орлов. Княгиня Дашкова, в разговоре с Дидро окрестив Орлова величайшим из злодеев, не в последнюю очередь имела ввиду эту печальную историю. Впрочем, женские оценки чаще всего исходят из сердца, всегда пристрастного. Как бы там ни было, но и Екатерина Вторая после такого рода “виктории” Орлова встретила его по возвращению из-за границы весьма холодно. И в том же декабре 1775 года, когда скончалась молодая искательница российского престола, граф, по его прошению, был навсегда уволен со службы.

Он уехал в подмосковное имение Остров. Через семь лет, в 1782 году, Орлов женился на княжне Евдокии Лопухиной и свадьбу справил в имении. Через четыре года жена умерла, оставив графу малолетнюю дочь Анну.

По ходу книги мы ещё не раз вернёмся к Орлову в событиях и превратностях его жизни, в которых проявился противоречивый, полный света и мрака, великодушный и жестокий, открытый и хитрый, неуёмный и покорный, отзывчивый и замкнутый характер незауряднейшего человека.

А теперь обратимся к главной страсти его – коневодческой.

СОКРОВИЩА ЛОСИНОГО ОСТРОВА

Наверное, Орлов-Чесменский не раз слышал распространенный в иппологической среде афоризм: в мире существуют три совершенных творения – природа, женщина и лошадь. Природа объемлет всё в неисчислимых множествах и образах, но по неписанной мировой табели о прекрасном совершенные её образы – и женщина, и лошадь. А человек широк, его волнует разное, и кому сокровища – алмазы, кому – царские палаты, а кому наконец и – красавицы. Для Орлова же первым и последним сокровищем был и навсегда остался конь. Во имя коня он готов был не жалеть времени и денег, пускаться во все тяжкие, мчаться хоть за тридевять земель.

Эту страсть победителя знали побеждённые. После Чесмы предводитель турецкой эскадры за охранно-доброе, великодушное отношение к пленным и пленницам в знак благодарности преподносит графу три десятка первоклассных арабских скакунов. Греческие острова в свою очередь дарят северному освободителю своих “потомков Буцефала”.

Да и сам граф действует, – и ещё как успешно, – в Аравии он покупает необыкновенного, дивной красоты племенного жеребца, который за свою бело-серебристую с сероватым отливом масть назван был Сметанкой. За арабскую находку граф не пожалел отдать шестьдесят тысяч рублей серебром – сумма по трем временам баснословная. Сметанка, положивший начало породе орловских рысистых, упряжных, стоил того. Немалые деньги пришлось отдать и за бурой масти Салтана, от которого пошла ещё одна порода – орловских верховых. Всего же в Аравии Орлов закупил двенадцать жеребцов и девять кобыл. Если прибавить к ним приобретённых в Египте, Турции, Персии, да ещё щедро дарённых графу в его победные дни на островах Архипелага, – тогда образовывался весьма внушительный конский “питомник”. Предстояло доставить его на русскую почву.

Лошади были погружены на корабли и морем, долгим путём вокруг Европы переправлены в Санкт-Петербург, а оттуда – в подмосковный Остров. Но Сметанку Орлов не доверил и целой эскадре. Он поостерёгся отдать возвращённого под жарким солнцем коня во власть морских стихий и непогод, штормов и туманов. С большими предосторожностями, под охраной, столь значительной и продуманной, что она бы вполне годилась для сопровождения какой-нибудь королевской особы, Сметанку повели сушей, через несколько европейских земель. Увы, преодолевая тысячевёрстные пространства, драгоценный арабский жеребец двигался навстречу собственной гибели.

Рано ли, поздно ли – заморские кони оказались в подмосковном Острове. Главные сокровища – арабские скакуны Сметанка и Салтан. Первый был особен, неповторим и внешне, и изнутри: помимо стати, породности, красоты, имел удлинённый корпус; выяснилось, что у него 19 пар рёбер, на пару больше, чем обычно у лошадей. Эта особенность тоже благоприятствовала успеху при выведении новой породы, нечаянно добавив ей машистости, быстроты, силы. В подмосковном Острове Сметанка прожил всего один год – 1777. Дитя полуденного солнца, он не выдержал русского

климата, многомесячной зимы. Но после себя он оставил Полкана и ещё троих сыновей, от которых и пошла рысистая, упряжная порода. Полкан (от Сметанки и датской кобылы) покрыл голландскую матку и дал Барса – любимого коня Орлова. Именно Барс и считается родоначальником орловской рысистый, упряжной породы. Он прожил двадцать четыре года (1784-1808) и пал на Хреновском конезаводе в год смерти графа.

Арабский буромастый красавец Салтан также не вынес перемены мест, русского холода и скоро пал. Но и он положил начало новой породе – орловской верховой. Его сын от арабской кобылы Салтан II, сильный производитель, дал Свирепого II, производителя не менее сильного; последний был на редкость вынослив и под седоком: он вполне выдерживал девятипудового графа и стал для него незаменимым верховым конём, подобно тому, как Барс незаменим был в упряжи.

Орлов, коннозаводчик, что называется, от Бога, одним только чутьём, интуицией всего им задуманного исполнить, естественно, не мог. Довольствоваться же частным успехом – это не для него. И, находясь в Западной Европе, он многому учится – слушает лекции известных учёных, зоотехников, знакомится с традициями и новиками иппологической мысли и практики; он посещает именитые, выдержавшие проверку временем конезаводы, встречается и переписывается с видными коннозаводчиками, наездниками; наблюдает, сравнивает, строит планы – не на песке: приобретает лучших из лучших коней разных пород, благо, возможности его после Чесмы были более чем значительны, и при необходимости достало бы средств переполовинить любой европейский конезавод.

Подмосковные конюшни заполняют лошади, вывезенные из разных стран, сюда Орлов переводит основное поголовье своего Симбирского – из-за Волги – конезавода, надеясь развернуться именно здесь, в Острове.

Велики его знания конного дела, велики его дарования селекционера, и первые его шаги по выведению новой породы коня удачны и точны.

И всё же Орлову скоро становится ясно, что в Подмосковье ему “лошадиной империи” не создать: не достаёт простора, не тот климат, не та почва...

Простор же открывался южнее: в Воронежском крае графу согласно указу императрицы были пожалованы непаханные степи, великие десятины земель и леса. Там было больше солнца, меньше дождей и туманов.

БЫТЬ “ЛОШАДИНОМУ” ГОРОДУ

Указ гласил:

“Всемиловейше пожаловали мы в вечное и потомственное владение нашему генералу графу Алексею Орлову-Чесменскому в Воронежской губернии... по течению реки Битюга сто двадцать тысяч десятин для заселения оных людьми собственным его иждивением, и с находящимися на оных местах лесами, реками и рыбными ловлями, и со всеми угодьями, кои в отдачу никому ещё не определены; всевысочайше повелевая нашему Сенату,

учиня по сему исполнение, поднести для нашего подписания планы тем землям, которые по силе сего ему графу Орлову-Чесменскому отданы будут

Екатерина

октября 24

1776 года

в Санкт-Петербурге”.

С точностью не сказать, сама ли Екатерина распорядилась выделить во владение Орлову воронежскую, прибитюжскую степь, или же кто-то из близких графу “подсказал” даровать именно здесь щедрый надел, но как бы то ни было, воронежские эти земли окажутся счастливейшими для отечественного коневодства.

Не сохранились свидетельства, сколько раз приезжал граф на пожалованные ему великие десятины, но, разумеется, приезжал, и не на день. Немыслимо предположить, чтобы он, затеяв столь трудное переселение и устройство, мог бы ограничиться только указкой издалика и довольствоваться лишь письменными и устными донесениями.

Тут и пример недалний. Царь Пётр Первый, на что занятый многообразными государственными делами, и тот не однажды, и, бывало, не на месяц наезжал в Воронежский край в пору великого корабельного строения. Созидатель и разрушитель одновременно, соответственные следы оставил он не только на Воронеже, но и на Битюге. На речке с татарским названием по его повелению были сожжены самовольно селившиеся, мятежные слободы; но здесь же по его же повелению был основан конезавод, куда были переведены несколько десятков кобылиц улучшенной породы из подмосковного Скопинского конезавода; сюда же, на Битюг с его богатыми поймами и от века непаханой степью были завезены голландские лошади, существует предание, с царевой подсказки; смешанные с ними улучшенные русские – возовые из северных губерний и местные кобылы и жеребцы – дали начало новой породе коней-тяжеловозов. Выведенные на Битюге кони и называться стали: битюги.

С петровских времён утекло немало воды, когда-то порубежные, приграничные эти места стали глубинкой Российской империи. Лошади кочевников уже не били черно копытами степь. Но она всё ещё, как и в былые века, оставалась почти нераспаханной, соха была редкой гостьей, а не хозяйкой. Ещё целыми табунами ископывали степь низкорослые, но сильные тарпаны – дикие лошади, и немецкий учёный Гмелин незадолго до орлова начинания увидал их здесь и дал научное описание. Тарпаны – осторожные, чуткие дети вольных просторов – доставляли немалые хлопоты крестьянскому миру, редким здешним деревням: они вытаптывали озими, поедали запасённый на зиму сенный корм, а главное, уводили или уманивали приглянувшихся им крестьянских кобылок. Не редкость были и волки, и позже в здешних степях Орлов завел сильную, надёжную охоту. Особые – “орловские” – собаки не боялись схватиться с серошерстыми хищниками, оберегая отары овец и табуны коней.

Переселение подмосковного конезавода на Битюг развернулось вскоре после того, как был издан высочайший указ о пожаловании Орлову воронежских земель. Источники называют год – 1778. Но подготовительная работа началась раньше, и Хреновской конезавод резонно своё рождение увязывает с годом издания указа – 1776.

Всякое переселение как наводнение: сколь хорошо к нему ни готовься – потери неизбежны. И всё же перевод большого хозяйства с Москвы-реки на Битюг устроился без мешкотных затяжек, рачительно и успешно. И привыкание и приспособление переселённых животных, иными словами, их акклиматизация, адаптация прошли успешно, чему благоприятствовали солнце, солнечное лето, сухой климат, просторность степи, вековечные её травостои.

Размах был велик. Заводу выделялась едва не половина из пожалованных графу земель – более ста тысяч десятин – с поместьями Хреновое, Чесменка, Пады и немалым числом имений-хуторов. Четыре тысячи крестьянских дворов приписывались к заводу.

Степь долго ещё оставалась степью-непашью, давала обильный сенокос и выпас. Распахиваемые же две-три тысячи десятин занимал обычно овёс. Был простор, были корма, почти ничто не мешало расти поголовью в таких цифрах, какие и не снились европейским конезаводам. Три тысячи лошадей содержал Хреновской конезавод при жизни Орлова. Да ещё полста тысяч овец. Да ещё гурты волов, стада коров.

Огромному хозяйству нужен был неусыпный глаз. Нужен был верный человек, честный и рачительный исполнитель воли и коневодческих замыслов графа-флотоводца. Таковым и стал первый управляющий Хреновского конезавода И.Н. Кабанов.

ИЗ НАЕЗДНИКОВ – В УПРАВЛЯЮЩИЕ

У Орлова было чутьё на человека. В обезличенном разряде крепостных он сумел выгледеть и вырастить замечательных в своём деле наездников, конюших, зоотехников, ветврачей, тренеров, – всех тех, без кого Хреновской конезавод не обрёл бы той основательности и славы, какую он получил с ними. Фамилии наездников Кузьмина, Логина, Белого, братьев Кондратьевых, Чёрного, Мочалкина, ветврачей Корчагина и Курлина, жокея Сороки, берейторов Зобова, Адамова, Галина – лишь малая часть дошедших до нас фамилий крепостных, так много сделавших на заре конезавода.

Орлов хорошо видел и понимал страсть деревенских мальчишек к коням, он пестовал их желание посвятить жизнь коневодческому делу и вырастил на редкость рачительных и даровитых “служителей” коня. Он избавил их от липкой скверны холопства и угодничества, был со всеми ровен и обходителен и не выказывал своего природой данного и знаниями приобретённого превосходства. И крепостные, но не закрепощённые труженики конезавода были ему преданы, уважали и почитали его. И быть может, первым среди верных был Иван Кабанов, выросший в Острове под

приглядом графа в прекрасного наездника, не лишённого организационного и хозяйственного начал.

Кабанов и стал первым управляющим Хреновского конезавода и пробыл им до конца жизни Орлова, – едва не треть века (1778-1809). После никто и никогда уже здесь столь долго не управлял.

Дочь Орлова после смерти отца пожаловала первому управляющему отпускную и пятнадцать тысяч наградных. Кабанов приобрёл дом в Воронеже и завёл собственный конезавод.

Но вернёмся в Хреновое – во времена более ранние. Прибывший на конезавод Кабанов взялся за дело широко и беззаветно, вникая решительно во все подробности, каждодневно успевая бывать на возведении зданий, на выпасах и в конюшне, присутствовать при выжеребке и тренировке, кормлении и на водопое, осмысливать родословные и характер каждого жеребёнка, знать каждого коня и каждого работающего человека.

Что-то на Хреновском конезаводе делалось как и при прадедах, что-то опробывалось и применялось впервые, но, чтобы ни делалось, – обо всём Орлов знал доподлинно. И всё шло только с его ведома и по его предписанию. Содержание в зимние месяцы на варках с крытыми навесами – таким образом лошади закаливались, косячная случка, особенности кормления, подготовки молодняка и выездки, а также, казалось бы, самые малые мелочи, – обо всём еженедельно и добросовестно управляющий докладывал Орлову, который по сути и был реальным управляющим. Сколько сена (а здешнее сено было столь питательно, что кони взглянут только и уже сыты, – в шутку говаривали конюха), сколько гарнцев овса (гарнец – около полукилограмма) задаётся производителям-жеребцам, жеребым кобылам, отъёмышам, на каком пригоне сколько жеребят, в каких денниках находятся какие кони, – Орлов знал так, как если бы жил и не выезжал из Хренового.

Иные учёные, среди них и такой серьёзный исследователь орловской породы, как В.Витт, автор книги “Из истории русского коннозаводства”, фигуру Кабанова на этом основании считают как бы проходной, сугубо исполнительской, бесцветной. Вот, мол, восприемник его Шишкин – этот и сильная самостоятельная личность, и зоотехнический талант подстать Орлову. Спору нет, Шишкин был даровитейший человек, но пришёл-то он не на пустырь; у него была возможность развернуться шире и смелее, хотя и он основных предначертаний Орлова никогда не нарушал, исполнял заведённый покойным графом порядок.

А Кабанову удалось сбересть конезавод в самую смутную и рискованную для графского дела годину. Здесь требуется небольшое отступление.

В 1796 году после смерти Екатерины взошедший на престол её сын Павел прежде всего решил поквитаться с убийцами своего отца. Был затеян перенос останков Петра Третьего из Александро-Невской лавры в собор Петропавловской крепости. В этой процессии Орлову была определена

весьма унижительная для него и двусмысленная миссия – нести корону задушенного императора; по другим источникам и вовсе – нести останки.

После этого опальному графу оставаться в России было мудрено, и он пять лет, вплоть до нового удушения в высочайших покоях – теперь уже Павла – вынужден будет провести за границей, в Дрездене, но и там был достигаем, как если бы вблизи Москвы; Орлову, чтобы спасти свои русские богатства, придётся, себя пересиливая, чем-нибудь да одаривать императора и его временщиков.

А его детище – Хреновской конезавод – хоть и располагался за сотни вёрст от столиц, но загребушие руки до него вполне дотягивались: чиновные всякого рода проверки, зная неприязненное отношение императора к графу, непрочь были наброситься на конезавод – как шакалы набрасываются на ослабевшего коня.

И управляющему Кабанову потребовалось немало гибкости и твёрдости, мужества и смирения, расчётливости и аккуратности, чтобы удержать конезавод в руках и не дать ему зачахнуть; приходилось подношениями и поклонами, отдарками из нехудших коней умирять аппетиты зачавшей было ревизорствующей службы и заезжих сановников. Но главные ценности конезавод не растерял, живя так, как установил Орлов.

Кабанов четыре года успешно выдерживал осаду недоброхотов опального графа, стараясь неукоснительно работать в режиме, заданном графом, и последний был ему душевно благодарен, и благодарность свою выказывал в переписке едва не всякий раз. Это не переписка крепостника и крепостного, но людей-единомышленников, друг друга понимающих с полуслова. В строках Орлова к Кабанову нет и тени вельможной надменности, намёка на разные социальные уровни, указующего перста, поучительного уклона.

В сентябре 1801 года он пишет: “...вообще все лошади ладно езжены, а как за всем оным твой присмотр главный был, за что тебя благодарю много. Я же жеребцов твоих к тебе отправлю... признаюсь, и мне хочется у тебя побывать и житье-бытье твое посмотреть. Я же желаю тебе благополучия есмь с моим доброжелательством доброхотный тебе граф Орлов-Чесменский”. В сентябре уже 1807 года – тон прежний: “Дочь твоя здорова и весела и зачала верхом ездить; и очень радуется, и все ей хочется, чтобы поскорее, но ей воли не дают. Дай Боже, чтобы вы здоровы были. Доброхотный тебе граф Орлов-Чесменский”.

При такого рода отношениях Орлову, разумеется, нечего было беспокоиться за конезавод в далекой воронежской степи; тем более что Кабанов обо всём происходящем еженедельно сообщал ему в таких подробностях, что Орлов знал, “какая именно лошадь из 2000 голов стоит в каком отделе и сколько получает гарнцев овса, и если заболела, то какую болезнью и в котором часу, и какие были приняты меры для лечения, о чём ежедневно писался журнал и ежедневно отсылался Орлову”, – так свидетельствует В. Коптев, один из самых проникновенных историков

нашего коннозаводства, на труды которого часто ссылаются авторы советского времени (пишущим о коне и коневодстве и прежде, и поныне щедро раздаст зёрна-факты богатейшая нива – фундаментальный труд Коптева «Материалы для истории русского коневодства». Статьи за сорок лет: 1847-1887).

ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ АЛЕКСЕЯ ОРЛОВА

Физически не столь долгую жизнь графа – семьдесят с небольшим – всё же следует назвать долгой по её напряжённости, событийной значительности, обширности дел, интересов, замыслов. Словно бы два Орловых живут в одном Орлове, – состояние, характерное для многих даровитых русских людей и для русского человека вообще: словно бы незримый и зримый поединок языческого и христианского, низкого и высокого, жестокого и милосердного, гордынного и смиренного, мрака и света.

Учёная дама княгиня Дашкова, может, и нашла бы сочувствующих своему личнопристрастному мнению об Орлове как “величайшем злодее”, но мы знаем голоса, косвенно и решительно возражающие запальчивому мнению, знаем имена несогласных, и имена эти исторически отнюдь не менее значительны, чем имя княгини. Мы помним стихи Державина, Орлову посвящённые. Знаем и о той внимательной отзывчивости, с какой встретил Орлов рядового преображенца Державина и, выслушав, посчитал возможным произвести его в офицерский чин. “Человеком удивительным” называет его Д. Бантыш-Каменский, учёный-историк, друг нашего земляка Е. Болховитинова, выдающегося духовного деятеля.

Орлов, несмотря на то, что происходил из семьи с достатком (отец был новгородский губернатор, правда, рано ушедший из жизни), знал дни, когда в кармане не было ни копейки, ни корки хлеба; став же баснословно богатым, не давал пищи поговорке “сытый голодного не разумеет”, а часто устраивал щедрые столы для нищих, бедных, странствующих. Вообще последняя страница его жизни – московская – изобилует примерами устраиваемых им праздничных гуляний с непременно конными выездами, благотворительных сцен и пожертвований для простого люда и запечатлелась в памяти Москвы ярко и благодарно. Широта души, доброта, приветливость, щедрость, отзывчивость, – такое запоминается!

До дней последних – жизнь задавшаяся, часто праздничная, но не праздная. Не знаем, и можем только предположить, какая бездна времени уходила у Орлова на чтение “скучных” иппологических изданий, на изучение и осмысление пород и линий, на опыты, на пребывание в денниках и на выпасах, на осмотры, оценки и выбраковки коня, на материи, подчас неприглядные, – скажем, Орлов часто присутствовал при вскрытии павших лошадей, особенно породистых, чтобы установить посмертный диагноз.

Его современник, профессор Московского университета П.Страхов пишет о нём: “Едва ли какое из сведений человеческих ускользало от его

любопытности; тончайшие подробности предметов, представляющихся его просвещённому вниманию, примечал он быстро и рассудительно”. Примечал – и находил безошибочное применение.

Прежде всего – зоотехническое: улучшение, создание, разведение новой породы. И не только лошади. Орлов немало потрудился над улучшением местных пород коровы и овцы; он вывел так называемых бойцовских гусей; он занимался племенным подбором собак, борзых и гончих, имел родословные книги; им выведенная порода голубей оказалась на редкость быстролётной, и голуби-письмоносцы успевали вполдня донести весть за десятки вёрст и вернуться обратно.

Главные же труды отданы коню, созданию породы рысистых и верховых. Главный результат – счастливо “уловленный” Барс. Летописец отечественного коневодства В. Коптев красочно описывает, как именно был найден, уловлен Барс. “Проникнем теперь в художественную храмину, в которой выработан орловский рысак, и проследим, так сказать, процесс его создания. Признавая идеального арабского коня самостоятельным, совершеннейшим первообразом лошади, гр. А. Г. Орлов желал, не утрачивая его красоты, благородства силы и энергии, приспособить его к потребностям европейской жизни, увеличить объём его корпуса, усилить мускулатуру и, наконец, одеть его нежные, изящные члены более твёрдой бронёй плотных наружных форм против суровости северного климата. Так, он раздвинул сперва костяк арабского Сметанки широким строением костей сухой датской матки, подняв рост его при произведении Полкана I, от которого произвёл Барса I (родоначальника), облекши этот новый создаваемый экземпляр объёмистой мускулатурой голландской матки, от которого и заимствовал крутое нарядное движение рысью славившихся тогда фрисландских рысаков. Достигнув этого результата, граф начал снова облагораживать, округлять, подсушивать формы Барса, подлитием крови английской и арабской в произведения Добро́го, Любезного, Лебе́дя и т. д., так что созданные им рысаки стали походить на изящного арабского коня, на которого смотрят в увеличительное стекло...

Граф А. Г. Орлов избирает питательные, но отнюдь не сырые ковыльные залежи умеренного климата средней России, и выращенные им рысаки на берегах Битюга соответствуют задуманному им плану, и вся Россия, через столетие, имеет такую породу лошадей, которой по изяществу и красоте форм и движений, а равно и по силе, нет подобной в мире, и которая завоевала себе пальму первенства и на международных состязаниях”.

Поэтическое это описание, разумеется, не исчерпывает трудности и сложности предпринятого Орловым дела, в котором прозаически изо дня в день повторялось необходимое: отбирать, лучшее соединять в поисках наилучшего, кормить, тренировать. И во всём – своя метода, свои наитие и логика, свой час и своя мера. И в чём-то, и даже во многом, – по части отбора (по экстерьеру и производительности), кормлений, зимних содержаний, испытаний на резвость и выносливость рысью в дрожках или санках (в русской упряжи), генеалогического подбора при спаривании лошадей,

несших помеси первого, второго и третьего поколений, – Орлов был новатором, опережавшим европейскую мысль и практику.

Через спаривание жеребцов и маток десятков азиатских и европейских пород пробивалась искомая порода. Были тысячи и тысячи разнопородных спариваний, использовал Орлов и инбридинг – близкопородное, родственное смешение. Бывали и затажные неудачи. Выпадали и скорые удачи. Величайшая из них – Барс. Вершина интуиции и зоотехнического гения Орлова.

Московские дома победителя при Чесме удержались даже в пожаре Отечественной войны 1812 года. Но двадцатый всеразрушительный, всеперестроечный век не пощадил и их. От Нескучного дворца и паркового ансамбля нашему времени достался – достоял! – фонтан с несколькими скульптурами в Центральном парке культуры и отдыха. Фонтан без воды, как жизнь без любви. А когда Алексея Орлова в холодный зимний день 1809 года выносили из дому – пол-Москвы собралось: сотни тысяч скорбящего народу. Москва провожала в вечный путь человека, который при жизни был полон душевной щедрости и любви. Любви к коню. К зверям и птицам. К детям. К родственникам. К знакомым и незнакомым. К друзьям. К женщинам. К покойной жене. К единственной дочери.

АННА – ДОЧЬ ГРАФА

Пушкин в одном из писем (из Москвы в Тригорское, 15 сентября 1826 года) пишет: “Завтра бал у графини Орловой; огромный манеж превращён в зал; она взяла напрокат бронзы на 40 000 рублей и пригласила тысячу человек”.

Графиня Анна Орлова не то что тысячу человек – пол-Москвы могла бы пригласить на бал, будь на то её хотение; наследство отец оставил огромное. К той поре, когда Пушкин писал эти строки, графиня Анна уже прожила большую часть жизни и повидала всякое. Ребёнком она осталась без матери, и отец, похоронив жену, всю нежность, все заботы, все надежды отдал единственной и любимой дочери. Он дал ей светское воспитание, уже в детстве она разговаривала на французском, английском, немецком. Семи лет юная графиня стала фрейлиной, в 1796 году была представлена императрице Марии Федоровне.

Но 1796 год – год нового царя, на престоле Павел, давно ненавидящий род Орловых. Отец – в опале, и юная дочь на себе испытывает действие всемирной поговорки: судьба играет человеком. Отъезд и пребывание за границей были похожи на изгнание, и хотя в Дрездене семья Орловых добыванием хлеба насущного отнюдь не занималась и нужды не испытывала, но чужбина есть чужбина.

С 1801 года – эпоха нового царя, и уже не граф дарит отменных коней царскому двору, а царь Александр Первый жалует Алексею Орлову и подарки конями и своё благорасположение. В Россию Анна возвращается шестнадцатилетней девушкой, и её “вступление в свет” вызывает резонанс

прямо-таки общественный, а Державин посвящает ей стихи с самыми высокими похвалами душе и образу юной графини. Аристократическая молодежь, титулованные богачи ищут её руки, но она, ненадолго увлекшись одним из них, вскоре и разочаровалась.

Пришло иное. И на всю жизнь. В 1808 году Анна совершила паломничество в Киево-Печерскую лавру. Вскоре после того побывала и в Ростове Великом. Здесь Анне встретился старец Амфилохий, духовному влиянию которого она со всей силой молодости доверилась и избрала его духовным наставником. После смерти Амфилохия духовным наставником Анны стал монах Александро-Невской лавры Фотий. В 1822 году Фотий был переведён в Юрьев монастырь близ Новгорода и с помощью православной графини возродил древнюю, но сиротски бедную обитель.

Трудно сказать, чем именно Анне пришёлся по душе Юрьев монастырь. Полюбились ли здешние суровые, величавые северные просторы, при виде которых делалась ничтожной всякая мысль о суетности, лукавстве, пышно-блескучем мирском устройении? Притягивал ли Георгиевский монументальный трёхкупольный собор – древнекняжеская летопись и усыпальница? Волновала ли память о дедушке, бывшем когда-то в этих местах губернатором? Или что-то значила и личность Фотия, о котором говорили всякое?

Как бы там ни было, в Юрьевом монастыре Анна прожила месяцы и годы и одарила монастырь пожертвованиями немалыми.

Из Подмосковья, из Отраденской фамильной усыпальницы она доставила в Юрьев монастырь останки отца, и они покоились здесь долго, пока не были вновь перевезены в Подмосковье, – теперь уже в Остров.

Но живя строгой монастырской жизнью, исполняя духовные обеты и установления, Анна пострига не приняла, и двери в “мирское” перед нею никогда не закрывались. Находясь и вне двора, она так или иначе оставалась со двором. При коронации Николая Первого она удостоена ордена св. Екатерины, – это как раз в те дни, когда был заказан московский бал на тысячу человек, о котором упоминает Пушкин. В 1828 году графиня сопровождала императрицу Александру Фёдоровну в её путешествии по России и Западной Европе, – знак милости и доверия, коим отмечены были редчайшие из редких.

Подобно Алексею Григорьевичу, отцу своему, Анна Алексеевна была и щедра, помогала бедствующим и несчастным, старалась облегчить участь своих крепостных, одних переводя в разряд вольных хлебопашцев, других поручив удельному – государственному – ведомству. Жертвовала она не только Юрьеву монастырю, хотя это – самые главные и большие пожертвования. На пожалованные ею средства строились также церкви и в Воронежском крае.

Под конец жизни её недвижимое состояние “поплыло” – был продан московский Нескучный дворец. Продан был в казну и Хреновской конезавод. Что за нужда одолела? Почему так случилось? Или и впрямь всё едино у “дружины русской, православной”, – что у князя, что у смерда, что у

богатейшего графа, что у беднейшего крестьянина, – если не разорение так очищение, если не разочарование, так покаяние?

И всё же именно в бытность Анны Алексеевны Орловой Хреновской конезавод обрёл каменные палаты, – знаменитый архитектурный комплекс – жемчужину отечественного классицизма; именно в её бытность он, – благодаря отцовым установлениям и счастливо назначенному ею новому управляющему В.И. Шишкину, – стал в России неоспоримо лучшим.

УПРАВИТЕЛЬ ШИШКИН

Молодая и неопытная в хозяйствовании Анна Орлова, в уши которой гудела тьма всякого рода советчиков, подсказчиков и прилипал, первые шаги сделала опрометчиво-быстрые и неверные. Она, хотя и с почётом, отправила на вольные хлеба многоопытного, рачительного управляющего Кабанова, доверив Хреновской конезавод небезтитульному советнику Маковкину, прежде подвизавшемуся по лесному ведомству. Однако в конце он не разобрался вовсе, и большое хозяйство было пущено на самотёк. Через три года, после его смерти, графиня вынуждена была более осмотрительно и взвешенно подыскивать нового управляющего. Ходить за ним далеко не потребовалось.

Уроженец Острова, графского подмосковного имения, Василий Шишкин с детства был примечен графом как смышлѐный, похватистый и тянувшийся к коням подросток, часами пропадавший если не на конюшне, то на беговой дорожке. Граф проницательно увидел в крепостном малом своего будущего преемника по конной части. С его лёгкой руки Шишкин побывал и подужным, и наездником, стал кассиром, наконец – главным конторщиком. Отлично писавший, считавший, внятно и кратко выражавший мысль, будущий управляющий Хреновского конезавода умел ещё и благодарно слушать. А слушать кого было – Орлов свои иппологические познания, большой зоотехнический опыт, свои убеждения и сомнения, свои замыслы и планы передавал Шишкину с такой обстоятельностью, словно был уверен, что именно этот его ученик не только не даст захиреть конезаводу, но выведет его в лучшие, в первые среди первых.

При редкостных дарованиях Шишкина, при его зоотехническом чутье, при переданных ему графом познаниях и опыте по части подбора, межпородных и внутривидовых спариваний, содержания, кормления, тренировок лошадей новый управляющий прибыл в Хреновое как на родное подворье, где каждый угол был ему известен и где требовалось созданное – сохранить, недостроенное – достроить, хорошее – сделать ещё лучшим. Неутомимость, рабочая выносливость молодого, возрастом чуть за тридцать, управляющего способствовали успеху.

С четырёх часов утра начинался рабочий день Шишкина. До шести он работал в кабинете. В шесть утра являлись с донесениями главный конюх, старший ветеринар, смотрители отделений. Далее три часа с конторщиками он занимался всякого рода бумагами. В десять отправлялся на хозяйственные

работы. Затем – конюшни, какие он обходил до последнего денника. После – манеж, где он внимательно наблюдал за выездами. Этим рабочий день вроде бы заканчивался, но нередко Шишкин совершал вечерние, а то и ночные осмотры конюшен, особенно при выжеребке, или при какой-нибудь напасти – болезни жеребца или кобылицы.

Скоро на конезаводе воцарился более чем образцовый порядок, и, думается, сам Орлов, будь он жив, мало бы что поменял здесь, если бы вообще стал менять. Всё завещанное графом хранилось и исполнялось. Но нельзя было совершенствовать новые породы, не применяя новое, – только лишь на одном полюсе традиции. Шишкин был творческий человек, за двадцать лет его хозяйственных трудов и творческой дерзости, организаторской воли Хреновской конезавод приобрел устойчивую породную основательность, цельность, даже архитектурную завершенность.

Один лишь перечень всего сделанного Шишкиным занял бы много страниц – не по жанру нашего повествования. Скажем о главном.

Он стал вести подробные записи и росписи. Установил происхождение хреновских лошадей, редко после каждой клички оставил: “происхождения неизвестного”. Он составил таблицы мужских и женских линий, создав здесь стройную систему, в которой западноевропейские коннозаводчики и зоотехники пришли едва не век спустя.

Прекрасный зоотехник, он преуспел в племенном деле. По справедливости профессор С. Афанасьев, автор большого научного труда об орловской рысистой лошади, полагает, что Шишкин “создал самого величайшего производителя во всей истории орловской рысистой породы – вороного Полкана 3 – родоначальника дома Полканов, и целую серию знаменитых его сыновей и внуков – будущих родоначальников молодых полкановских линий...”

Он не только успешно развивал линии рысистых, но и сумел сохранить линии верховых; он предчувствовал, что сокращение этих линий приведёт к угасанию породы, как оно позже и случилось... И ничто уже – ни возврат когда-то проданных жеребцов-производителей на хреновские конюшни, ни многочисленные скрещивания орловских верховых с ростопчинской породы верховыми – не поможет. А ведь Шишкин об этой угрозе предупреждал! Никто не пожелал услышать знающий, озабоченный голос, и орловская верховая, так много значившая в Отечественной войне 1812 года (вспомним, именно в Воронежскую губернию направляет в “Войне и мире” автор своего героя за лошадьми для гусарского полка), что называется, тихо, незаметно сошла с круга.

Не забудем также, что Шишкин, будучи членом-корреспондентом Комитета государственного коннозаводства, в 1845 году представил Комитету по его запросу краткое описание Хреновского конезавода, – краткое, но бесценное, поскольку архивы конезавода за семьдесят лет непонятно каким образом оказались утраченными, исчезнувшими.

В шишкинское управление был начат и почти завершён каменный ансамбль конезавода. Понятно, что и не будь столь даровитого

управляющего, комплекс кирпично-каменных зданий непременно бы возвели, раз уж волею графа предписывалось построить каменный, огня не боящийся строй зданий “на веки веков”. Но случилось так, что Василию Шишкину выпало исполнить и эту волю графа, и управляющий с подчинёнными и архитектором-строителем Николаем Леонтьевым исполнили её достойно.

Главный же зодчий был знаменитый Доменико Жилярди.

АРХИТЕКТОР ДОМЕНИКО ЖИЛЯРДИ

В книге “Д. И. Жилярди” Е.Белецкой и З.Покровской, выпущенной в свет «Строиздатом в 1880 году, дан снимок центральной части фасада Хреновского конезавода. Надпись под фотоснимком осторожная, уклончивая: “приписывается Д. Жилярди”.

Между тем, есть свидетельства, пусть даже косвенно указывающие на зодческое авторство прославленного итальянца. Конезаводской архитектурный комплекс, по проекту Жилярди воздвигнутый в подмосковных Кузьминках уже под конец его пребывания в России, являет собою с первого взгляда улавливаемое подобие Хреновского архитектурного комплекса: фасад с купольным навершием, глухая арка с декоративными колоннами, замкнутое каре конюшен и подсобных построек.

Русская монархическая власть после победы над наполеоновской Францией, – победы, обошедшейся в большие потери и война, и коня, – приняла под попечительски-протекционистское крыло частные конезаводы. И как тут было не обратить взор на Хреновской конезавод, в Отечественной войне 1812 года давший нашему воинству первоклассного коня и уже обретавший известность европейскую? Тем более что вдовствующая императрица Мария Фёдоровна не только знала графиню Орлову, но и благоволила ей. И она же, как устроительница Мариинского ведомства, знала, разумеется, и Жилярди-отца, который был главным архитектором Воспитательного дома при Мариинском ведомстве. А раз так – странно предположить, что она могла не слышать о Жилярди-сыне, ещё молодым человеке (одних лет с графиней Анной), но уже тогда подававшем явные надежды своей одарённостью.

Здесь всё было готово счастливо пересечься и сойтись на монументальном замысле, воплотить который надлежало на Битюге, – необходимые знакомства и благорасположенности, пожелание императрицы-матери, верховная распорядительная власть сына – Александра Первого, большие миллионы молодой графини, большие дарования молодого зодчего.

России Жилярди-сын известен более как устроитель Москвы после пожара и разорения в Отечественной войне 1812 года. Заслуги его здесь действительно велики. Его присутствие в Комиссии по Восстановлению (в числе именнейших зодчих О. Бове, Ф. Соколов, С. Кесарино) – естественное и плодотворное. Он деятельно и бережно восстанавливал

Воспитательный дом, потревоженные огнём кремлевские здания, прежде всего колокольню Ивана Великого. По его проекту и под его руководством воссоздано здание на Моховой – Московский университет, что само по себе могло бы обессмертить имя зодчего. А были ещё и иные архитектурные жемчужины, от начала до конца возведённые по зодческим начертаниям Дементия Ивановича Жилярди, – Екатерининское училище, дом А.Хрущёва, в котором ныне располагается Литературный музей А.С. Пушкина, здание Опекунского Совета, где теперь разместились Академия медицинских наук, Гостинный двор, дом Луниных.

Последний “русский” проект Жилярди, – незадолго до окончательного отъезда, – вновь выводит нас к фамилии Орловых. В подмосковном селе Семеновское, на усадьбе Отрада, у реки Лопасня Жилярди проектирует ротонду – усыпальницу рода Орловых. Скоро после этого – в 1832 году – “почётный общинник Российской Академии художеств” навсегда покидает Россию: уезжает на родину, в Швейцарию, в итальянский Тессинский кантон. Дементий Иванович снова становится Доменико, его избирают член-корреспондентом Миланской Академии искусств, но творческих свершений от этого, увы, не прибавляется; одну-единственную часовенку построил он на родине, в Монтаньоле. К тому же и личная жизнь сломалась: вдовец, он потерял ещё и любимую дочь Франческу, и у её могилы он пропадавал, бывало, долгими часами.

В 1845 году Доменико Жилярди закончил свою земную жизнь. Ушёл зодчий, мощный дар которого воплощённо живёт не только в зданиях московских, столичных, но и явственно проступает в монументальных, классических формах архитектурного ансамбля в селе Хреновое, почти во поле широком.

В 1845 году Хреновской конезавод стал казенным, государственным, и здесь его ждали свои радости, свои беды и трудности.

Но мы вернёмся во времена более ранние, когда каменное ожерелье конезавода ещё не совсем обозначилось, но главный архитектурный ансамбль был уже возведён.

ШИШКИНСКИЙ ТРИУМФ

Ансамбль и сегодня удивляет своей мощью, завершённой композицией, монументальностью; впечатляет фасад с купольными покрытиями, угловыми аттиками, белокаменными стенами, образующими замкнутый четырёхугольник.

А каким величавым видением открывался он посреди ничем не застимой степи, разве что в окружении малых, деревенски-деревянных подворий! И сюда – и каменное диво поглядеть, и присмотреться, прицениться к необыкновенным лошадям – потянулись коннозаводчики, ремонтёры гвардейских и армейских конниц, помещики-путешественники, губернские большие и малые чиновники.

В 1818 году Хреновое удостаивает своей чести император Александр Первый – два дня посвящает он конезаводу. Немалою оказалась свита царя, немало прибыло народу из соседних деревень и даже из соседних губерний, так что Хреновое в последние дни мая по многолюдству и по присутствию высокой власти превратилось на сутки-другие в некое подобие столицы.

О приезде императора графиню известили заблаговременно, и она распорядилась управляющему подготовиться должным образом к встрече высочайшего гостя. Шишкин постарался на совесть: конюшни, ипподром, парк, гостевой дом, помещения для свиты были приведены в идеальный порядок; улицы подметались до последней пылинки, дорожки посыпались песком. Но управляющему всего этого показалось мало. Он замыслил сюрприз.

Хитроумно-затейливые сцены, составившие сюрприз, с разной степенью пространности и полухудожественной вольности описываются, переключаясь из одного журналистского очерка в другой, из путеводителя в путеводитель; да и серьёзные учёные пересказывают их своими словами. Такт и справедливость отсылают процитировать своего рода первоисточник – рассказ В. Коптева, ипполога-энциклопедиста, близкого к тем временам и хорошо знавшего многих участников действия.

“26 мая 1818 года император Александр I приближался в открытой коляске к родовой вотчине графини А.А. Орловой-Чесменской – селу Хреновому. За две версты до въезда в селение выехала к нему на встречу графиня. Государь изволил выдти из коляски и милостиво приветствовал её, просил возвратиться в дом, куда обещал не замедлить приездом. Графиня по указанию государя поехала вперед; а за нею последовал и государь.

Император, въехав в село, заехал в дом крестьянина Тушкина, где снял дорожное платье и, надевши мундир, отправился в церковь, где встреченный духовенством приложился к Святому Кресту и, отслушав молебен, въехал на усадьбу графини.

Графиня А. А. стояла у крыльца на дворе с хлебом-солью...

Вскоре начался обед, к которому была приглашена вся свита государя, в которой находился и Аракчеев, военные, генералы, местный губернатор, предводители и некоторые из почётных дворян губернии.

Десятки тысяч народа, приезжее дворянство и купечество, наполнили тогда огромную площадь, находившуюся перед домом и пробыли до глубокой ночи, разлившись широкими волнами и в прилегающем саду. Когда была зажжена иллюминация, причём весь конный завод был украшен огненными щитами с вензелевым изображением государя, в саду раздавались русские народные песни, и государь неоднократно выходил на балкон и на крыльцо, дабы удовлетворить жажду лицезреть его...

После обеда государь со всеми присутствовавшими отправился на манеж, в котором был постлан ковер и на нём поставлен диван. Началась выводка...

После блестящей выводки... был выпущен без узды на совершенной свободе знаменитый рысак и заводской производитель, на котором ездил сам граф А.Г., двадцатичетырёхлетний Любезный I, но ещё бодрый, лёгкий и могучий! Вбежав в распахнувшиеся внезапно двери манежа, он сделал по всему манежу три круга своим быстрым, воздушным аллюром, которым бегают только орловские рысаки, и остановился, как вкопанный, перед Государем. Государю особенно приятно было видеть этого знаменитого коня, как образец того, что создал ещё сам гениальный коннозаводчик и на котором он сам ездил...

Потом Государь обошёл конюшни рысистых и верховых лошадей... Лишь только Государь вступил в коридор, как звонкое ржание благородных животных, весёлым гулом, громко пронеслось по бесконечным переходам огромных заводских зданий..."

Весёлое приветственное многолошадиное ржание одновременно, враз и в нужный миг – приятная случайность? Да нет же! И легендарный жеребец, почтительно и как бы вкопанным останавливающийся перед царём, и полтысячи лошадей, в один голос приветствующих царя дружным ржанием, – всё это и был шишкинский сюрприз, его “хитрость” – результат прекрасного знания им природы коня, выработки условного рефлекса, тщательной тренировки.

“Он устраивает наружные ставни к окнам громадных конюшен, которые мгновенно, удобно по желанию могли открываться и закрываться, потом в определённый час и минуту ставни эти открывались и в тот же момент высыпался в ясли каждой лошади овёс, и этот маневр продолжался каждодневно...”

Итак, открываются ставни, давая дневному свету высветить ряды денников, и тут же в ясли поступает овёс, на что лошади отвечают одобрительным ржанием; ларчик, открывающийся более чем просто. Шишкину в знаменательный день оставалось только в миг, когда царь сделал шаг в конюшню, дать сигнал конюхам, а тем – мгновенно открыть ставни.

Александр Первый неплохо знал коня. К слову сказать, его любимый конь был орловской породы – Усан, при дворе прозванный Богатырём, выдающийся, как и Любезный, сын Барса; пяти лет выхолощенный, он в 1807 году по приказу Орлова был отправлен царю в подарок; именно на Усане-Богатыре и изображён Александр на известной картине Крюгера.

Верхом русскому царю выпало испытать и минуты позора, и минуты славы. На несчастной лошади он, плачущий, убегал с поля Аустерлица, на горделивом коне победителем он въезжал в Париж. Он вовсе не был чужд тщеславия и благосклонно принимал восхваления, даже лесть.

И он не без удовольствия воспринял столь своеобразные, человеком устроенные, лошадиные знаки почтения к своей персоне; благодушно расхваленному графиней управляющему Хреновского конезавода он пожаловал бриллиантовый перстень, а узнав, что Шишкин пребывает в крепостных, просил даровать последнему вольную, и графиня, без затяжек, высочайшую просьбу исполнила.

Тот майский день и час 1818 года стал таким образом для Шишкина и его семейства звёздным часом, солнечной, счастливейшей вехой жизни.

Но счастье и несчастье, удача и неудача, радость и печаль ходят по одним дорогам, и люди не всякий раз видят, что за тень надвигается на них.

ТАЙНА НОЧНЫХ КОНЮШЕН

Казалось бы, ничто и никто не нарушит заведённого в Хреновском конезаводе распорядка и не поколеблет прочного шишкинского стола: ничто и никто, кроме разве землетрясения, пожара, или же... самого Шишкина. Землетрясений в русской степи не бывает, пожар каменной твердыне был не страшен. А вот Шишкин, сколь ни был уместен, предусмотрителен, проницателен, знаток и талант, действительно, того не подозревая или тем особенно не озабочиваясь, готовил своё “изгнание”.

Он был из крепостных, и его сотоварищи, сослуживцы, земляки-сельчане хорошо помнили об этом. Да он и сам не давал им забыть про то, живя на широкую ногу, “по-господски” и своим бытом вызывая в окружающих разноречивые и часто не самые добрые чувства. Он не только часами искаживал конюшни и степи, но и имел частые и длительные беседы с людьми известными, и сам был известен и в Воронеже, и в Москве, и в Нескучном дворце принимался как человек желанный, близкий. Среди его гостей был местный губернатор, дружественно к нему расположенный. Завистливые – завидовали, и дыхание зависти мало-помалу отравляло здоровый степной воздух.

И ещё. Управляющий был человеком размаха, творческих исканий и обретений, но он должен был во многом следовать воле и завету первооснователя и своего благодетеля. И сколь ни велика была его память и любовь к человеку, который вывел его в люди и дал возможность во всей силе проявиться его природным дарованиям, но, как знать, не стало ли его со временем тяготить положение: Шишкин – последователь Орлова? А если просто – Шишкин? Тоже – не шишка на ровном месте. Он-то понимал свою значительность в своём деле.

Но именно “своего-то дела” ему и не доставало. Дела, где бы можно было бы развернуться, доверяясь чутью, опыту, воле и распоряжаясь средствами в наращение их, выстраивая своё капитальное здание. Именно – своё!

Неподалёку от Хренового, на хуторе Ловяниковский Шишкин образует свой небольшой конезавод. Какая именно главная страсть двигала его основателем? Стать как бы двойней Хреновскому конезаводу, а тем более его конкурентом, хуторской конезавод никак не мог. Ни морально, ни экономически. Развиться и ответвиться от ствола мощного соседа тоже было мудрено: согласно установленному Орловым правилу, правда, им же несколько раз и нарушенному, ни один жеребец не должен выходить из завода, быть проданным или подаренным, не будучи выхолощенным; и здесь не эгоистическое тщеславие графа, но резонные опасения проницательного

коннозаводчика – ещё не доведя породу до совершенства, до безопасной полноты и самостоятельности, распылить её, разбавить, размыть её непродуманными, случайными примесями на стороне. Так что орловских кобыл, разумеется, нежеребых, ещё можно было приобрести на Московском аукционе, но где было достать орловского жеребца?

Тут поначалу в строку легло одно недоразумение, если его можно назвать таковым. Кобыла Угрюмая, дочь Барса, по старости и болезни была отправлена в Москву на продажу, но оказалась жеребой. Узнав об этом, управляющий через знакомого незамедлительно приобрёл её и отправил на Ловяниковский хутор. На следующий год она разродилась жеребчиком, и жеребчик Атласный на несколько лет стал радостью Шишкина. Но и тревогой – тоже. Атласный, сын Мужика, внук Барса, уже через три года и внешностью, и скоростью выдавал своё чистопородное происхождение. Управляющий вынужден был написать графине о досадном недосмотре, из-за которого орловский жеребец оказался не в стенах Хреновской конюшни. Орлова распорядилась оставить всё так, как сложилось. Таким образом Атласный как бы приобретал юридическую прописку производителя на Ловяниковском хуторе. Правда, через несколько лет он почему-то был продан, но перед тем дал ещё одного Атласного – младшего. Атласные по сути и положили основание новому, в нескольких верстах от Хренового, конезаводу – Алексеевскому, – так назвал его Василий Шишкин в честь и память Алексея Орлова.

Атласный – хорош, но один – в поле не воин.

И вот тут-то вскоре и происходит весьма неприглядная, чтоб не сказать тёмная история как в жизни Хреновского конезавода, так и в жизни его управляющего, да и всего шишкинского семейства.

Сыновья управляющего – Алексей и Сергей – выдались страстными лошадиниками, ещё в детстве дня не могшими прожить без коня, и отец всегда не без радости и гордости поддерживал их дорогое ему увлечение. Выросши, оба остались при коне и при отце. Алексей, уйдя по болезни из гусарского полка, на Хреновском ипподроме стал заезжать и тренировать молодняк. Сергей же на Хреновском конезаводе занял должность смотрителя рысистого отделения, так что предоставилась возможность постоянно, каждодневно наблюдать лучших в России рысаков. На Ловяниковском хуторе таких легконогих жеребцов, разумеется, не было. Но там были хорошие – орловские же – кобылы. И даже не просто хорошие, но лучшие из приобретаемых на Московском аукционе: отец-то вверенных ему лошадок знал до последней ворсинки.

Поскольку история эта отбрасывает печальную тень на всё почтенное семейство Шишкиных, снова обратимся к коптевскому изложению, наиболее достоверному и наиболее сдержанному, словесно-щадящему.

“В 1829 году конторщик Хреновской вотчинной конторы Цветков послал подробный донос графине А. А., где, не скрывая своего участия и содействия, чистосердечно описывал, как Сергей Васильевич Шишкин, второй сын В.И., занимавший должность смотрителя рысистого отделения

завода, тайно по ночам при его содействии случал своих кобыл, употреблявшихся им в троечную езду, с лучшими бывшими в то время Хреновскими рысистыми заводскими жеребцами.

Для сего Сергей Васильевич, а равно и брат его Алексей Васильевич, часто ездившие на свой Ловяниковский хутор, приезжали на тройках рысистых кобыл, купленных через посредство Ивана Прохорова Седина, бывшего при Московском доме главным конюшим и всегда по поручению и назначению В.И. Шишкина покупавшего в Москве для него с аукциона рысистых маток, помещали их в ездальной конюшне, находившейся близ отделения, в котором стояли заводские жеребцы.

В ночное время вместе с Цветковым отправлялся С.В. и тихо, во время сна, или при содействии дежурного конюха, приводилась кобыла к отделу жеребца, с которым в просторном коридоре, со всевозможной осторожностью и производилась случка...”

И в дурном сне не мог представить себе подобное Орлов, но графа давно уже не было в живых. А Шишкин? Знал ли он о происходящем? Или это его замысел и исполнялся? Или он здесь вовсе не причём?

Автор вышепроцитированного, мнгоознающий Коптев, остерегающийся быть неточным даже в малости и явно равнодушный к имени самородка из народных низов, отводит от Шишкина стрелы подозрительности и хулы.

Он говорит о расследовании, которое учинил потрясённый Шишкин-отец, – об устроенных им и ничего, впрочем, не давших очных ставках сыновей с корреспондентом повинно-доносительного письма к графине. Он берёт в союзники – свои и истины – коннозаводчика А.Жихарева, не однажды рассказывавшего ему о встрече с Алексеем Шишкиным, старшим сыном управляющего, который, будучи уже неизлечимо больным (люди перед смертью обычно более правдивы, чем всегда), горячо отстаивал честь отца: мол тот решительно ничего не знал о тайных свадьбах на хреновских конюшнях, и графиня, вскоре изгнав служителя неопенимого, оказалась враждебно несправедлива к отцу; мол, жалеть можно только об одном: “они мало воспользовались для пользы коннозаводства (ибо из завода лошади разошлись по всей России) и успели получить от тайной случки только немногих этих драгоценных жеребцов, как то: Горностай, Похвальный, Полкан, Ловкий Усан”.

Сын, угнетённый чахоткой и запальчиво защищающий отца, вызывает не одно сострадание; в его словах много верного. Действительно, уязвлённая графиня, через два года после случившегося, после ещё нескольких доносов, холодно указала Шишкину на дверь и, рассчитав его, повелела ни одной лошади с Хреновского конезавода для бывшего управляющего не продавать. Действительно, орловские жеребцы и кобылы, попав на принадлежавший Шишкину конезавод на хуторе Ловяниковском, пробили установленный Орловым “железный занавес”, и орловская порода пошла живо и неудержимо по России – по конезаводам, полям и дорогам. Наконец, действительно, рождённые от тайных случек Горностай, Похвальный, Полкан, Ловкий, Усан

выдались “драгоценными” жеребцами-производителями, давшими на редкость удачное продолжение, так что знающими коннозаводчиками шишкинская лошадь ценилась столь же высоко, как и графская. Шишкинские рысаки были первыми на бегах, и почиталось за честь и удачу приобрести их. Коннозаводчики, и далеко не безвестные, приезжали на хутор Ловяниковский, чтобы испросить нужного совета у выдающегося собрата-самородка, или чтобы, не прицениваясь, прикупить его отменных рысистых.

И чем не хуже шли дела на Хреновском конезаводе, тем в большую гору восходили они на конезаводе в хуторе Ловяниковский.

И вдруг – для многих неожиданность – Шишкин сбывает с рук свой преуспевающий завод. Расстаётся с ним в 1845 году, когда графиня продаёт Хреновской конезавод, и тот поступает под крыло государства. Шишкин расписывает своих рысистых на два равных пая, и два воронежских коннозаводчика бросают жребий. Всё! Человек, посвятивший свою жизнь коню, остаётся без коня. В чём тут корень разлада, в чём причина? Заведомая необходимость здесь едва ли усматривается. Во всяком случае материальной нужды не было решительно никакой. Понятно, что он сдал после смерти сына. Но, может, было и другое: то русское состояние души, которое хорошо почувствовал и отобразил Горький в образах купцов, промышленников, которым под силу было и мощное дело повести, и капитал нажать; и вдруг скоро и дело отбросить, и капитал до нитки спустить: поиграл силами и скучно стало... чего-то главного недостаёт – то ли не явилось, то ли было, да ушло. Тоска!

Нам же пора поговорить об отце Атласного и деде Атласного-младшего, давшем начало шишкинскому заводу на хуторе, – поговорить о Мужике. О Холстомере. Об орловском жеребце и мерине, которому выпали две жизни – действительная и литературная, книжная.

ОТКУДА РОДОМ ХОЛСТОМЕР

“Как живая развалина, он стоял одиноко посреди рысистого луга, а недалеко от него слышались топот, фырканье, молодое ржанье, взвизгиванье рассыпавшегося табуна...”

Удивительными по психологической проникновенности словами великого писателя раскрывается образ старого коня.

Он мерин. Он пегий. Некогда сильный, да придавленный невзгодами и недугами, он величествен и жалок, в нём признаки неприглядной дряхлости смягчаются выражением спокойствия и былой красоты.

Но кто же и откуда он, пегий мерин, чья судьба угадывается как трагическая уже с первых страниц повести? Толстой вверяет об этой судьбе поведать самому коню.

– Да, я сын Любезного первого и Бабы. Имя моё по родословной Мужик первый. Я Мужик первый по родословной, я Холстомер по-уличному, прозванный так толпою за длинный и размашистый ход, равного которому не было в России. По происхождению нет в мире лошади выше

меня по крови. Я никогда бы не сказал вам этого. К чему? Вы бы никогда не узнали меня. Как не узнала меня Вязопуриха, бывшая со мной вместе в Хреновом... Да, я тот Холстомер, которого отыскивают и не находят охотники, тот Холстомер, которого знал сам граф и сбыл с завода за то, что я обогнал его любимца Лебеда.

Холстомер, быть может, и напраслину возводит на Орлова. Граф первым в Москве стал устраивать летние бега на Донском поле, и на том поле и вправду состязались и Лебедь, и Холстомер, и Любезный, отец Холстомера. Но великий коннозаводчик едва ли уронил бы себя так, чтобы наказывать более сильного рысака, нанёсшего поражение более слабому, пусть и его любимцу.

Бег Холстомера был размашист и неповторим – как холсты по кругу стелил.

А вот пежины сыграли с конём действительно злую шутку. В орловской породе с самого начала укоренились вороная да серая масти. Да и у большинства европейских высоко отборных пород преобладали лошади однотонные, строгие, не пестроцветные. Всякого рода пестрота ворса, пятна и подпалины, большие и малые пежины шли за свидетельства худопородности.

Трудно сказать, при каких обстоятельствах и какими ревнителями породной чистоты был занесён оскопляющий нож над Холстомером с его злосчастными пежинами. Время на Хреновском конезаводе было не лучшим. Ещё не так давно не стало графа. Конезавод пребывал без твёрдой хозяйской руки и внимательного взгляда: Кабанов уже ушёл, Шишкин ещё не пришёл.

Холстомер был выхолощен, но, правда, успел дать Атласного, причудливым путём попавшего на хутор Ловяниковский, где Шишкин исподволь начал обустривать свой конезаводик.

Что же до пежин или цветной масти, то далеко не везде они шли за недостаток. В Бухаре, например, да и в иных восточных дворах, ценились лошади с цветными мастями и отмастками – чубарые, тигровые, пегие, чалые. Чалым выдался и бухарский иноходец – дед Холстомера по матери. Видимо, от него Холстомеру достались как роковые пежины, так и удивительная резвость, которая нередко случается в иноходцах и повторяется в потомстве.

Холстомер был продан и перепродан, и ему разве что оставалось вспоминать как лучшие, так и худшие часы в Хреновом; в повести рассказывается о тех мытарствах и “душевных муках”, которые ему выпало пережить, пока кости его, прирезанного, не изголодали и не растащили собаки, воронье и волчий выводок.

Толстому лошадь сопутствовала всю жизнь, он верхом ездил до последних, преклоннейших лет, он любил изображать коня в час войны и час мира, в битве и на пашне, на лугу и в дороге. Молодым ещё записал в Дневнике желание “писать историю лошади”. Но так случилось, что написал – поставил последнюю точку в “лошадином” повествовании – лишь через тридцать лет.

Трудно сказать, была бы ли вообще написана такого характера повесть-исповедь, не знай Толстой семью Стаховичей, имение которых – Пальна-Михайловка – находилось в Елецком уезде, в Орловской губернии, сопредельной с Тульской и Воронежской. В Пальна-Михайловке, куда Толстой приезжал, был свой конный завод, Михаил Стахович, фольклорист, музыкант, писатель, много обещал своими дарованиями, но рано погиб – в своём имении был убит грабителями. Ещё при его жизни брат его пересказал Толстому сюжет задуманных Михаилом Стаховичем “Похождений пегого мерина”. Много позже Толстой услышанное воплотил в “Холстомере”, посвятив его автору замысла и сюжета. И воплотил так, как сказать о лошади, пожалуй, не удавалось никому прежде. Очеловеченные мысли и чувства коня столь естественны, глубоки и трагичны, что не можешь не подумать, что в чём-то это мысли и чувства, всю жизнь тревожившие самого Толстого: предопределённость, но и случайность природных даров и наказаний человеку, человеческая несправедливость, низкий людской инстинкт права собственности, красота и уродства жизни, мощные её зовы и неотвратимые сигналы смерти.

В “Холстомере”, помимо художественного дара, выплеснулось и глубокое сострадательное чувство писателя к лошади. Тургенев однажды наблюдал, как на деревенском выгоне близ усадьбы Толстой, подойдя к старому мерину, заговорил с ним, гладил и утешал его – словно бы сочувственно отвечал на печальные вопросы старого молчаливого и благодарного коня. Тургенев тогда воскликнул: “Послушайте, Лев Николаевич, право, вы когда-нибудь были лошадьё. Да, вот извольте-ка изобразить внутреннее состояние лошади”.

Выдающийся художник-анималист Николай Сверчков, с натуры, по воображению и по рассказам очевидцев нарисовавший целую галерею орловских рысаков и верховых, после выхода в свет повести подарил Толстому две акварели – “Холстомер в молодости” и “Холстомер в старости”. Писатель, наверное, не раз разглядывал эти акварели, самой темой двуединства молодости и старости, силы и дряхлости, жизни и смерти так отвечавшие его мучительным раздумьям.

Но вернёмся на Хреновской конезавод, где прошло уже несколько поколений и людей, и коней, и где уже мало кто помнил о Холстомере, да и не только о Холстомере.

Поглядим на времена, наступившие после Шишкина.

НЕВЗЯТЫЙ БАРЬЕР

Главный Конюший Московского Нескучного дворца, в 1831 году назначенный управляющим Хреновского конезавода, так “науправлял” за три года, что завод стал на себя не похож, словно после опустошительного вражеского нашествия. Человек, менее всего способный по сердцу заботиться о других и о деле, корыстолюбиво-хваткий на обе руки, готовый за золотого тельца не то что коня, но весь конезавод сбуть, И. Седин доказал,

что и одни недобросовестный человек может составить бедствие целому большому и крепкому предприятию.

Новая метла по-новому метёт? Седин для начала решил поупражняться в новшествах кормления животных. Он распорядился оставить поголовье на выпасах до самой зимы, выдавшейся поздно, и матки, и молодняк вынуждены были питаться травой-гололедкой, да ещё подгнилым сеном; на пригонах им пришлось долгие недели провести в холоде, ледяной грязи, и скоро лошади, надорванные голодом и простудами, схваченными на варках, стали сплошь болеть сапом и подседал-болезнью, а многие из маток скинули. Сотни лошадей или пали, или же были прирезаны.

Графиня, крайне расстроенная, не найдясь, как вернее поступить, велела и вовсе сократить завод – до тысячи голов. Причём, разрешалось продавать лошадей в самом Хреновом, а не в Москве, на конном аукционе, как было заведено прежде. О большем Седин и не мечтал. Запускали щуку в пруд... Продажа пошла повальная, безоглядная и, как тогда говорили серьёзные коннозаводчики, тёмная и глухая. Матёрые барышники беспрепятственно, ногой открывали двери в племенные конюшни и, оставляя Седина не в накладе, уводили лучших лошадей и потом втридорога продавали их. Управляющий не гнушался ни взятками, ни прямыми вымогательствами, и, надо думать, скоро сколотил капиталец. Но столь же скоро без хозяйственного догляда сократилось поголовье, отделение рысистых – вполовину, иные отделения и вовсе перестали существовать.

Через три года графиня уволила авантюриста, но урон, нанесённый в его управление, восполнить было уже крайне трудно. Если бы П. Кремешной, новый управляющий, оказался вторым Орловым, или хотя бы вторым Шишкиным, дело ещё, наверное, можно было бы выправить. Но Кремешной был всего лишь Кремешным, недавним военным, службистом честным, добросовестным. Любитель охоты с борзыми, он в собаках понимал толк куда больше, нежели в лошадях.

Он проходил в управляющих одиннадцать лет, но орловский рысак при нём так и не взял привычного разбега. Прежний барьер, к уместному образу обращаясь, не был взят. Перевелись верховые. Завод уже не мог похвалиться рысакими в своих конюшнях – они мерили ипподромные круги в других местах. Ушли люди, ещё знавшие Орлова, видевшие его знаменитых коней.

Стареющая графиня Анна Алексеевна не могла без боли и горечи наблюдать, как гибнет отцовское дело. Но и государство не хотело потерять Хреновской конезавод, который имел славу не только отечественную, но европейскую.

В 1845 году государство приобретает Хреновской конезавод в свою собственность. В статусе казённого завода Российской империи он и пребывает до 1917 года.

КАЗЁННЫЙ ЗАВОД

Государственная власть видела в Хреновском конезаводе хранилище чистопородности орловского рысака, благодатный рассадник уникальной породы. Началось широкое распространение орловской лошади, замечательно проявившей себя не только на ипподромном круге, но и в практической жизни, как городской, так и сельской. За четверть века более тысячи хреновских жеребцов-производителей попали в большие и малые конезаводы почти всех губерний огромного государства.

Казённый Хреновской завод пополнялся естественным приращением. А в последней четверти девятнадцатого века он увеличился и приращением нечаянным, неожиданным. Коннозаводчик В. Охотников, который в своё время с Н. Тулиновым на двоих приобрёл у Шишкина великолепный его завод, бывший как бы сводно-родным братом Хреновскому, видя, как рано или поздно рассыпаются даже крепкие частные заводы (тут причины и общеэкономические, и политические, психологические, и семейственно-наследственные) пожертвовал завод государству. Он пожелал передать свой конезавод в дар Государственному Хреновскому конезаводу, и там все его поголовье было выделено в особое отделение.

Перешедший в казну в Николаевское царствование, Хреновской конезавод стал управляться военными: царь Николай Первый часто отдавал предпочтение военнослужилому начальству не только в делах военных, но и в мирно-устроительных, организационных. Первым из военных на должность управляющего был приглашен, вернее, призван полковник В.П. Воейков, и управление его продлилось четверть века. Это было и трудное и успешное управление, – более трудное в начале, более успешное в конце. Новый управляющий оказался в положении табунщика, табун которого в дождь и грозу мчался неведь куда и надлежало дать ему верный курс. Сложности были и с людьми, и с лошадьми.

По переходе в казну конезавод стал обслуживаться солдатами, естественно, поначалу, у них не всё ладилось. Но за двадцать пять лет службы всему можно было научиться. К тому же солдат на конезаводе сменяли дети солдатские. Солдатская казарма утратила свое первоначальное назначение, а за рекой Хреновкой, ближе к сосновому бору, образовалась Солдатская слобода, существующая и донныне.

В сороковые-пятидесятые годы, многое из того, что в бытность Орлова и Шишкина применялось при оборе и подборе, если и не было забыто, то почти сошло на нет: продолжалось полухаотическое узкопородное скрещивание, вне учёта генеалогического древа, породных линий и семейств; почти перестали испытывать и тренировать молодняк. Мерилем всего стал экстерьер. Естественно, подобный путь был тупиково-захолустный, и заводу потребовалось время, чтобы вернуться на круги былых традиций, но и расширить и обогатить их.

В “Гардениных” – знаменитом романе писателя Эртеля о пореформенной русской действительности – выразительно-памятными строками описывается и Графская степь: “неясная сизо-голубая даль с странными проблесками и неопределёнными очертаниями лесов, курганов и

бесчисленных стогов”, и Хреновое – “Лошадиный город”, и весь тот помещичий и купеческий уклад, который во многом определяется лошадью.

В начале коннозаводческой деятельности Орлова рысак редко мог уйти от графской конюшни, разве благодаря щедрым дарениям, – не раз случалось, что граф, видя, как у европейского гостя блестят глаза при виде отменного рысака, мог вскоре прислать того коня в подарок восхищённому гостю. Теперь же, во второй половине девятнадцатого века орловские рысаки именем, силою, резвостью и красотой прокладывают себе путь на ипподромы Европы и в европейские конезаводы.

На всемирной Парижской выставке 1867 года золотые медали на бегах “заработали” рысаки Факел и Бедуин – оба Хреновского конезавода. Факела Александр Второй подарил Наполеону Третьему, и французский император высказал русскому самые лестные слова о подаренном коне. А Бедуин, до того уже отбегавший семь лет на ипподромах, показал в Булонском лесу такую силу, выносливость и красоту бега, что стал любимцем парижской публики. С восторгом писали о нём западные специалисты и журналисты, которым орловский рысак предстал как откровение: восхищали гармонические формы, резвая рысь с высокой нарядностью движений. Отмечалось константность, то есть однообразие, постоянность – “Все одной семьи и как бы вылиты в одну форму”. Орловская порода, константная, устойчивая, явилась взыскательному Парижу поистине живой ветвью и памятником русской природы.

После всемирной Парижской выставки 1867 года орловских рысаков охотно стали приобретать Париж и Берлин, Вена и Будапешт, многие европейские конезаводы и в таком количестве, словно Европа решила вдруг пересесть на дрожки, в которые впряжён был орловский рысак.

Но вскоре объявилась одна незадача. В восьмидесятые годы девятнадцатого века на ипподромах России был введён тотализатор. Для тотализатора главное – немедленный успех. Скорость! Скорость, кому бы она ни принадлежала, хоть нечистому в лошадином обличье. А тут для такого прагматичного, зрелищно-доходного дела подоспели американские рысаки, специально тренированные на быстрый успех, на ипподром, только на ипподром! Однонацеленные американские рысаки, не чета орловским рысакам по красоте, константности, универсальности, на ипподромах стали нередко обходить орловских. Тогда иные коннозаводчики стали смешивать, спаривать заокеанских и отечественных рысистых. Метисы, полученные от смешения двух рысистых пород, бегали отменно, на азартную радость и поживу тотализаторных молодцев. Однако орловская порода от таких смешений стала в чём-то терять саму себя, и чтоб там ни говорили об опасности замкнутого, узкопородного расплода, но орловско-американский вариант был ещё опаснее. Резонно вспоминали, что Орлов, создавая свою породу посредством многообразных скрещиваний, ни одной из существовавших пород не нанёс ни малейшего урону, а тут...

Деятельные защитники орловского рысака подобались и на правительственных верхах, и в среде именитых коннозаводчиков, и среди

ученых-иппологов. Все сходились на том, что главная задача рысистого коннозаводства – не сугубое обслуживание бегового спорта, но производство рысака, который пригоден был бы для всех видов упряжной езды, и на ипподроме – тоже, а также был бы улучшателем местных пород.

Все сходились на том, что орловец – всепогоден и всепригоден. Он незаменим в городских выездах, в пролётке городского извозчика; но он же хорош и на пшеничной ниве, и в телеге крестьянина; он крепок и на поле брани, и в кирасирском ремонте. И никакой “американец”, никакой метис в распутицу непроезжие русские дороги не одолеет, а орловскому рысаку – и море по колено. Ипподром? Но и здесь русский конь мог закусить удила. На Парижской международной выставке 1900 года лучшим конем всего Света был признан русский: орловский рысак Ветер Буйный. Выводчиком его был уроженец села Хреновое Фёдор Кононович Родионов.

Прямо-таки гимн был пропет орловской рысистой лошади на первом Всероссийском съезде коннозаводчиков в 1910 году. К той поре в стране существовало за три с половиной тысячи орловских рысистых заводов, в которых насчитывалось совокупно десять тысяч жеребцов, сто тысяч маток, и молодняка в два раза больше, нежели маток. Съезд коннозаводчиков посчитал необходимым признать: “для массового улучшения русского коневодства, во многих районах России, съезд коннозаводчиков признает пригодным орловского рысака”. А выдающийся представитель отечественной зоотехнической мысли, учёный-ипполог П.Н. Кулешов выразился на сей счёт убедительно и ясно: “Никто не может отрицать того, что почти все крупные упряжные лошади в наших городах и селениях произошли от улучшения местных лошадей кровью рысистой породы, которая одна сделала больше для коневодства России, чем все другие культурные породы, вместе взятые”.

Когда Хреновской конезавод существовал как казенный, большую часть времени он был под началом военных. Правда, с 1880 по 1896 год им управлял С.П. Иловайский, сугубый коннозаводчик с Дона. Управляющий он был толковый, а в здешней памяти его имя обычно сочетается с именем писателей Суворина и Чехова, побывавших в Хреновом в начале девятнадцатого века, когда в русской деревне разразился голод. В те времена единственными спасителями крестьянина, как и во все века, оставались лошадь да корова.

Иловайский прежде имел дело по преимуществу с донской породой, родственной орловскому рысаку воронежской степи если не генетически, то географически, и здесь напрашивается уместное отвлечение.

В землях, сопредельных Чернозёмному краю, в Области Войска Донского на протяжении веков сформировалась лошадь донской породы – сильная, неприхотливая, резвая, выносливая. В 1770 году атаман Платов основал первый на Дону конезавод. Небозримые табуны были взяты под тщательный пригляд. Но направленное формирование коня, пригодного казаку и в походе, и в подворье, и в страде и на торжестве, и в борозде и на джигитовке, началось намного раньше. Местные лошади монгольского,

татарского типа смешивались с турецкими, арабскими, персидскими, а позднее – со стрелецкими, орловско-ростопчинскими и иными. В девятнадцатом веке кони донской породы с преобладающей золотисто рыжей мастью составляли основную ударную силу русской кавалерии – больше половины её, свыше пятидесяти тысяч сабель. Донская лошадь безбоязненна, штурмует любые препятствия, не боится ни грохота оркестров, ни грохота пушек, поэтому она одинаково хороша и для циркового манежа, и для ипподрома, и для поля атаки. Вспомним цирковой эпизод в фильме «Бег». Вспомним также, что именно на дончаках победно входили казаки весной сорок пятого года в Берлин. Поразительна выносливость донского коня. Ему под силу то, что непреодолимо для других. Дончак в сутки способен преодолевать более трёхсот километров. В 1883 году офицеры и казаки на донских лошадях в жестокий двадцатиградусный мороз прошли путь более чем в тысячу двести вёрст от Нижнего Новгорода до Петербурга за одиннадцать дней. Любопытный штрих. В 1910 году на Всемирной парижской выставке дончак был признан лучшей кавалерийской лошастью.

Почти столько же, сколько и С. П. Иловайский, управлял конезаводом и генерал И. П. Дерфельден. Это при нём была построена достоявшая и до наших дней церковь Михаила Архангела – православная, но архитектурно близкая к католическим. Генерал сумел навести образцовый порядок и на конюшнях, и на выпасах. Коней было – за тысячу.

Всего же Россия в ту пору располагала двадцатью миллионами лошадей. (Такую цифру даёт словарь Брокгауза. Другие источники называют цифру ещё большую). Один конь – на три мужика. А, скажем, во Франции или Австрии одна лошадь приходилась уже на десятерых. Иными словами, Россия в те времена была самой коннобогатой в Европе!

Но вскоре это богатства не стало. Началась Первая мировая война.

Следом – революция.

Наконец – братоубийственная гражданская.

Миллионы их, верховых, упряжных, ломовых, усеяли своими белыми черепами бескрайние поля порушенной империи.

ИСТОРИЯ ОДНОГО КОНЯ

За несколько десятилетий до той всемирной и отечественной смуты одни кони поднимали русское хлебное поле и каждодневно мерили ближние и дальние просёлки и междугородние дороги, другие прославляли Россию на отечественных и зарубежных ипподромах, на третьих скакали городские с шашками, дабы удержать имперский порядок. А ещё кони требовались как раз надвигающейся смуте: на вороных вылетали из-за угла и террористы, цареубийцы, расшвыривая сначала прокламации, а позже – и бомбы.

Варвар Второй, вороной рысак с белой звездой-отметиной на лбу, может, предпочёл бы иной удел, нежели быть “партийным конём подпольной

России”. Но люди распоряжаются лошадьми, не особенно заботясь о том, каково лошадям.

Первое революционное деяние Варвар исполняет 30 июня 1876 года. В тот день из Николаевского госпиталя на окраине Петербурга бежал из-под ареста уроженец Чернозёмного края князь Кропоткин – серьёзный учёный и едва ли серьёзный политик: во всяком случае, именно он – глава русского анархизма.

Во время каждодневных прогулок Кропоткин всё просчитал и в назначенный срок сумел быстрым бегом оторваться от часового и за воротами госпиталя вскочить в поджидавший экипаж, в который впряжён был орловский рысак, не раз бравший призы на тихих дорогах и шумных ипподромах. То был Варвар Второй.

Взращённый на Хреновском конезаводе, он был продан весьма богатому охотнику, а затем перепродан. Но кони не любят смены хозяев. Кто кому пришёлся не по душе, трудно сказать, но очередной богач скорёхонько избавился от строптивного рысака, причём – за бесценок. Покупателем оказался петербургский врач и народоволец Орест Веймар. Он-то и “указал” Варвару революционный путь, и именно он восседал на козлах экипажа, на котором из-под ареста удалось бежать Кропоткину.

Через два года Варвар вновь был испытан на революционно-террористическом задании. 4 августа 1878 года было совершено покушение на шефа жандармов генерал-адъютанта Мезенцева; в час, когда он вместе с сопровождавшим его отставным полковником Макаровым совершал приглядчивую прогулку по столице, к генералу подбежал вдруг откуда-то взявшийся молодец и с размаху ударил его кинжалом в живот. Отставной полковник с криками устремился за налётчиком. Тогда его сотоварищ выстрелил в полковника, однако не зацепил его пулей. Оба налётчика домчались до неподалеку стоявших дрожек, и вороной конь умчал их – через три минуты как будто ничего и не бывало. Остаётся сказать только, что господа налетавшие или товарищи по партийной крови были люди достаточно образованные, и все – “народники”: бил кинжалом Семён Кравчинский, он же будущий автор нашумевших книг “Подпольная Россия” и “Россия под властью царей”, стрелял в полковника известный в народнической среде Александр Баранников, а конём – это снова был Варвар – правил не менее известный народник Андриан Михайлов.

Как ни ловко прятали “партийного” коня в петербургском манеже “Русском Тарселе”, как ни запутывали его следы, всё же Варвар в конце концов был найден полицией и передан в ведение... петербургского полицмейстера. Конь был столь хорош, что и здесь не остался без дела. Случилось даже, что он сопровождал царскую карету Александра Второго.

Жизнь складывается – никакому романисту не придумать. Варвар, столько раз уносивший от опасности террористов-бомбистов, кроваво обрызгивавших царский трон, именно Варвар 1 августа 1881 года доставил в Зимний дворец смертельно раненого, истекающего кровью царя-

реформатора. Для противников престола никакие реформы не могли быть достаточными.

КОНЬ – ПРОЛЕТАРСКАЯ СИЛА

Августовские пушки 1914 года возвестили начало Первой мировой войны. Для России, одной из главных воюющих стран, Первая мировая обернулась испытанием не только прежде небывалым, но и смертельно опасным: уже с первых залпов в печати и подпольной среде, в окопах и на полях сражений звучали лозунги перехода “империалистической войны в гражданскую”; иными словами, антигосударственными и антинациональными силами были выпущены демоны братоубийственной войны.

А незадолго перед тем, в конце девятнадцатого и начале двадцатого века, Россия с её великими природными и людскими ресурсами, обновлённая военными, гражданскими реформами, а после революционной вспышки 1905 года – и на пути столыпинских преобразований, являла завидное экономическое и культурное восхождение. Многим представлялось, что ещё четверть века (только без революционных потрясений), и быть России самой сильной и богатой, самой процветающей державой мира.

Знаменитое волостное село начала двадцатого века – пусть и неповторимая, но органическая капля той русской жизни. Разумеется, один из лучших конезаводов мира давал Хреновому свою привлекательность. И местная железнодорожная станция, грузившая ежегодно более двух тысяч коней, коров, овец да сотни тысяч пудов хлеба, – далеко не каждая станция имела подобный оборот. Картонная фабрика, две дюжины ветряных мельниц, две людные ярмарки, много лавок, больница, богадельня, кумысолечебница, – всё это Хреновое, большое волостное село с тремя церквями, в семь тысяч народу.

А было ещё – и вовсе особенное: единственная в России школа наездников, образованная в последней четверти девятнадцатого века графом И.И.Воронцовым-Дашковым, в бытность его главноуправляющим государственным конезаводством. Школа лесных кондукторов – будущий лесной техникум – тоже из заведений, которыми не каждая губерния могла бы похвалиться. Замечательный Хреновский лес с его дубравами, сосняками и берёзовыми рощами был замечательным “учителем” будущих лесничих. Учителем здесь и большой подвижник Г.Ф. Морозов – автор “Учения о лесе” – книги, принесшей ему мировую известность. Выдающийся почвовед-патриот В.В. Докучаев, создатель “Русского чернозёма” – книги не менее знаменитой, нежели “Учение о лесе”, в близкой Каменной степи устраивал лесные бастионы, защищавшие чернозём, и не раз бывал под сводами Хреновского леса. Первый русский олимпийский чемпион (фигурное катание, 1908, Лондон) Н.А.Панин-Коломенкин – родом из Хренового.

Вот такое славное село в таком начале такого века.

В разные годы, начиная с шестидесятых, приезжал я в Хреновое, встречался и беседовал со старожилами, в перекрёстных рассказах-ответах перепроверял существенное. Весь двадцатый век большого села прошёл перед глазами и через сердца многих сельчан, и их рассказы, воспоминания – те же свидетельства эпохи.

Последний “старорежимный” управляющий Хреновского конезавода – полковник К.К. Богдашевский. Он принял завод в переломном семнадцатом. Поселился с женой и дочерью в доме управляющего, а вокруг дома, как и во всём заводе, поддерживал образцовый порядок. Повсюду – клумбы, цветники, чистые дорожки. Детям на Новый год управляющий устроил большую ёлку, да ещё раздал коробки с конфетами и игрушками для домашних ёлок. Праздник, который запомнился на всю жизнь.

Но не пройдёт и года, как невесть откуда взявшиеся комиссары – “кожаные пальто” – на крыльце дома сорвут с полковника Богдашевского полковничьи погоны и, не дав проститься с семьёю, уведут, а куда уведут и что станет с последним управляющим, – о том никто в Хреновом так и не узнает.

Выплеснувшаяся из революционных недр гражданская война требовала коня. И, как Молох, пожирала коня. Сотни, эскадроны, лавы, корпуса. Конница красных. Конница белых. Кони в тачанках, в обозах, кони под седоками и потерявшие седоков. Кони, погибающие массами. Бывало, что и лучшие пропадали зазря. Даже когда их пытались спасти. Так случилось со знаменитым орловским рекордсменом Крепышом, который, будучи выведен из пекла сражений, при погрузке на железнодорожную платформу попал задней ногой в расщеп и сломал её: рысака пришлось пристрелить.

Вообще жизнь распорядилась так, что одни конские породы, как боярская или некоторые крестьянские, исподволь сходили на нет, другие массово гибли в войнах и лихолетьях. Печальней других здесь участь орловско-ростопчинской и стрелецкой пород. В конце гражданской войны основной костяк орловско-ростопчинской породы оказался с Белой гвардией на чужбине, а оставшиеся на родине погибли в начале Великой Отечественной войны. В гражданскую войну почти под корень была загублена и стрелецкая лошадь, успевшая дать кровь будущей новой породе – терской. Один из её родоначальников – жеребец Цилиндр. Именно на нём барон Врангель намеревался принимать парад на Красной площади в Первопрестольной. После неожиданно-скорого взятия красными Крыма несостоявшийся триумфатор Цилиндр – выдающийся племенной жеребец – был отправлен на конезавод в Ставропольский край. Четверть века спустя на его сыне – белоснежном коне Цепком – маршал Жуков принимал парад Победы.

Новая власть понимала, что без коня ей удержаться трудно и что ради своего же будущего лучшего коня должно сохранить. Разумеется, Хреновской конезавод пытались сохранить прежде всего. Его поголовье трижды подвергалось превратностям эвакуации. И эвакуация-то была недалёкая – в соседнюю Тамбовскую губернию. Но когда идёт война

гражданская, едва ли на родной земле отыщется пядь, где бы братья побратски могли согреться у одного очага и где бы конь мог мирно, без пламени и грохота, прожить день. Из тысячи лошадей, трижды маявшихся в злосчастных эвакуациях, на завод вернулись три десятка. Остальные – одни пали, других уворовали, третьих отняли силой. Иные разбрелись, словно бы уже не веря в тепло и уют родного денника.

Покинув города, фабрики и заводы, пролетарская сила, красная сила, тесня белых, наступала, двигалась, катила по российским полям, дорогам и бездорожьям. В “Чевенгуре” – трагическом романе нашего земляка Андрея Платонова – конь так и назван: Пролетарская Сила. Красноречиво и согласно духу времени. Конь Пролетарская Сила и его седок Копёнкин, революционный интернациональный новоустроитель всего и вся – среди главных образов антиутопического эпоса; а в чём-то – и эпоса утопического. Сказочному Сивке-Бурке подобна Пролетарская Сила. И размах – сказочный. “Привыкнув в хозяину в гражданской войне, конь питался молодыми плетнями, соломой крыш и был доволен малым. Однако, чтобы достаточно наестся, конь съедал по осьмушке делянки молодого леса, а запивал небольшим прудом в степи...”

Сказочно-былинный конь из романа “Чевенгур” имеет вполне реальное и даже местное происхождение.

“Пролетарская Сила уставала, обыкновенно, не от дороги, а от тяжести своего веса. Конь вырос в луговой долине реки Битюга и капал иногда смачной слюной от воспоминаний сладкого разнотравия своей родины”.

Молодой публицист, поэт и мелиоратор в те двадцатые годы где только ни побывал, занятый мелиоративным устройением родного края, – на Усмани и на Потудани, на Тихой Сосне и на Чёрной Калитве, на Богучарке и на Битюге... Но бывал ли он на Хреновском заводе?

Я не очень надеялся встретить имя Платонова, перелистывая книги посещений конезавода. И вдруг, на первом же круге, глаза, как по наводке, впились в его подпись, в записанное сильным характерным почерком: “Мелиоратор А.Платонов 30/VII”. Год, судя по предыдущей записи, оставленной московскими студентами-зоотехниками, – 1925. Время, когда Платонов – ещё воронежец, но уже и москвич. Ушли и не ушли дни, когда “Россия тратилась на освещение пути всем народам, а для себя в хатах света не держала”, – как не без горечи скажет писатель в своем романе.

Платоновская лошадь Пролетарская Сила, потеряв всех своих седоков, долго проблуждав по целине, опять с двумя попутчиками вернулась в Чевенгур. Но в городе было безлюдно, “пусто и скушно”.

А за пределами страшного Чевенгура продолжалась живая жизнь. Мифический Чевенгур и реальное Хреновое находились совсем близко друг от друга, в одной степи, в одной губернии. Может, платоновскому коню верней было бы направиться не в мёртвый город, а на разорённый и всё-таки живой Хреновской конезавод, где люди понимали, что им надо жизнь устраивать, детей растить и снова хороших коней разводить...

ПОЛЦАРСТВА ЗА КОНЯ!

Будённый, ещё недавний командарм Первой Конной, влиятельный в сталинском окружении, полагал, что и будущая война решится конными тачанками, а не танками. С тачанками – промашка. Тем более – с танками. Но надо сказать спасибо Будённому: конезаводы были определены как государственные объекты стратегической значимости. А раз так, везде и всюду стали собирать чудом уцелевшее племенное поголовье и сводить его под крыши конезаводов. Ещё в двадцать первом году в долгих пролётах Хреновского конезавода размещались воинские части, а через пять лет нарком земледелия страны в книге посещений отмечал “образцовый порядок и особенно хорошее состояние производителей и молодняка”.

На правительственном уровне первым решено было восстановить Хреновской конезавод. Сюда были собраны лучшие жеребцы и кобылы бывших частных заводов. С двадцатого по тридцатый год в Хреновое поступали племенные лошади Падовского, Светлогорского, Дулеповского, Северного, Череповецкого, Прилепского, Мало-Борковского, Табун-Аральского и иных конных заводов. Многие орловские рысаки возвращались к своим истокам. И уже здесь рождённые и выращенные кони становились победителями на ипподромах страны, заставляя знатоков самыми похвальными словами говорить о Хреновском заводе, о традиции, о людях, выращивающих рысков-рекордистов.

Первым среди первых был Улов – один из родоначальников замечательной линии орловских рысаков, долголетняя слава и гордость конезавода. На Улова, отцом которого был Ловчий, видный рысак орловской породы, делалась ставка сразу, как только он появился на свет. Однако шли годы, наступил возраст зрелости, а Улов ничем особенным не выделялся, был медлителен, словно собирался прожить библейские веки... Природа, тренировки, человек взяли своё. В 1932 году четырёхлеток Улов первым из орловских рысаков своего возраста (в спортивной биографии коня даже месяцы, подчас даже недели имеют значение) пробежал традиционный в тысячу шестьсот метров круг за две минуты десять секунд. В пять лет он оставил позади долго державшийся рекорд Крепыша – тоже орловского рысака. Позже установил несколько европейских рекордов, причём два последних – после десяти прожитых лет, когда кони обычно начинают сдавать в беге.

Первый директор музея Хреновского конезавода Фёдор Фёдорович Бдюкин рассказал автору этих строк, что американский посол в Советском Союзе Буллит, не торгуясь, предлагал за Улова большие деньги. Существует в Хреновом ещё и предание, возможно, не беспочвенное (дыма без огня не бывает), что Форд, глава крупнейшей автомобильной империи мира, готов был выставить за Улова дюжину “фордов”.

Разумеется, жизнь в конезаводе не на одном Улове держалась. Да, тренер-наездник Яков Усков именно за Улова, вытравленного им на заводских беговых кругах, был награждён высшим орденом страны. Но были

и иные – и в значительном числе – замечательные лошади: и рекордсмены на ипподромном круге, и жеребцы-производители, и матки, и стригунки. И за всеми надо было денно и нощно ухаживать, да ещё – с сердечной привязанностью, без которой многого не достигнешь. Кто-то получал награды, кто-то всю жизнь прожил без них. Не о том речь. Живой и деятельный конезавод был как добросильная единая семья.

На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в 1939 и 1940 годах Хреновской конезавод заявил о себе как лучший конезавод страны: половина из представленных двух десятков лошадей его стали чемпионами породы или же были отмечены первостепенными аттестатами.

Серьёзны были успехи. Серьёзны были планы. Но неумолимо надвигалась война.

ТАБУНЫ УХОДЯТ НА ВОСТОК

Осень 1941 года. Немцы у окраин Москвы.

В октябре того года директор Хреновского конезавода и уполномоченный Совнаркома по эвакуации за двумя подписями шлют на самые верхи телеграмму: “В Хреновском конном заводе № 10 сосредоточено наиболее ценное в племенном отношении конепоголовье русской рысистой породы “Орловский рысак”. Отдельные представители этой породы, например, Улов, является абсолютным европейским чемпионом и расценивается на международном рынке в несколько миллионов золотых рублей. В целях сохранения для страны единственной лучшей отечественной породы рысистых лошадей решено произвести эвакуацию в глубь страны, для этого необходимо 100 крытых вагонов...”

Проси больше – дадут меньше. Предоставлено было семь вагонов.

В них разместили Улова, еще четырёх жеребцов и тридцать три матки. Скоро команда зоотехника Василия Хальнова разгружала живые сокровища на Урале и размещала их на Свердловском ипподроме. Что такое зима на Урале – рассказывать не надо. И всё же выносливая орловская порода устояла под каменными морозами, по сути под открытым небом, и уже по весне следующего года старший маточник принимал жеребят...

То была начальная, малая волна эвакуации.

Главная эвакуация развернулась летом сорок второго. “Развернулась” – слишком медленное слово, чтобы с точностью выразить то, что тогда происходило. Третьего июня немцы вышли к Дону. Через два дня они уже захватили окраины Воронежа. Седьмого июля армада “Юнкерсов” бомбила Тишанский разъезд: рядом находились большие армейские склады. Гремело и полыхало вполне. Багрово-чёрные клубы дыма видны были из Хренового.

Тогда же последовала команда – срочно уходить на восток. Седьмого июля весь конезавод, оставив конюшенный кров, двинулся в путь. Собраться всем вместе предстояло уже за границами района. Молодняк был на выпасах. Солоти, Бунарка – сплошная ковыльная, далеко открытая степь: тогда ещё не

было лесополос. Стронувшиеся с места табунки маток и жеребят видны были как на ладони. Немецкие самолёты пролетали над ними, но не тронули.

Конезавод соединился в целое уже за пределами Хреновского района. Было около шестисот лошадей, много подвод и кибиток, везших скарб. Дальше для удобства двинулись несколько группами. То был тяжёлый переход, да что в войну бывает лёгким? Люди обычно шли пешком, щадя лошадей. Разве что табунщики – на конях, но тоже невелика сладость – день-деньской на лошадином крупе, в седле. Время от времени табунщиков сменяли дети. Тяготы делили сообща и лошади, и люди. Директор М.К. Кобылянский шёл рядом с рабочими.

Не дойдя до Волги, недели на две задержались: лошадей схватил мокрец – при этой болезни сползают, соскакивают с ног копыта, и животное теряет возможность двигаться. До полусотни обескопыченных лошадей пришлось пристрелить. Жеребят мучил мыт.

Через Волгу переправились в один день. Повозки, скарб, люди – большой баржей. Кони же перебирались на восточный берег вплавь, – вслед за табунщиками, державшимися за уздечки косячных – сильных, авангардных коней, водивших косяки в оставленных прибитюжных степях.

За Волгой недели три пробыли на станции Красный Кут. Немец стоял на Волге, туда, к Сталинграду, все силы стягивала страна, трудно было рассчитывать, что наверху вспомнят про блуждающий конезавод. Однако большой состав-порожняк был всё-таки подан, и к началу зимы воронежский эшелон прибыл в Курганскую область. Состав направили на запасной путь, в тупик, и первое, что, открыв вагонные двери, почувствовали воронежцы, – литой, звонкий мороз, а первое, что увидели, – цех под открытым ледяным небом! Ряды станков, а за ними – склонённые подростки, девчонки, вытачивающие железные детали для войны, а над ними – перекошенный, меж двумя столбами плакат: “Всё для фронта!”

Приехавшим и увидевшим, каково достаётся подросткам, отпала всякая охота сетовать на судьбу. Разместили их в конюшнях, где было всё-таки теплее, чем на открытом зимнем пространстве, – близ Кургана и близ Шадринска.

И здесь напрашивается небольшое отступление.

Едва ли кто из приехавших знал о жившем в этих местах агрономе Терентии Мальцеве, будущем народном академике, заботнике родимых почв и коня. Но Мальцев вполне мог знать о знаменитом конезаводе и не мог не думать, что тот – словно бы посыльный из Воронежского края. Именно в те дни его сын Константин сражался за Воронеж. В одном из писем он напишет, что из окопа видит высокобашенный корпус Воронежского сельскохозяйственного института, надеется после войны пройти агрономический курс в этом институте, чтобы вместе с отцом работать на одной ниве и продолжить дело отца. Сын скоро погибнет, и словно бы за сына – отцу выпадет прожить предолгую, добрую созидательную жизнь.

А Хреновской конезавод, в благодарность за гостеприимный многомесячный кров передав хороших жеребцов и маток на расплод

Кургану, по весне сорок четвёртого года возвратился под крыши свои, в выжженные дотла конюшни.

Но коль речь велась о Зауралье, Западной Сибири, уместным будет ещё одно отвлечение. Переданные Кургану и Шадринску, орловские рысаки были здесь, в Западной Сибири, не первые кони из Чернозёмного края. Следует упомянуть вот о чём. О кузнецкой породе лошади, выведенной вдалеке от Чернозёмного края, но многим ему обязанной. Суть в том, что крестьяне Воронежской, Курской, Тамбовской губерний, переселяясь в Западную Сибирь, в Кузнецкий Ала-Тау, вели с собой на места новых обитаний «чернозёмных» лошадей – более крупных и сильных, нежели местные, степные, предгорные. Сибирским, алтайским почтовым трактам, – там обустроивались выходцы из среднерусской полосы, – требовалась лошадь выдающейся выносливости. Тщательный отбор, разумная народная селекция решили дело. Новая порода – кузнецкая – оказалась незаменимой на протяжённых континентальных трактах Сибири.

ЛАГЕРЬ И ГОСПИТАЛЬ

Когда Хреновской конезавод эвакуировался за Урал, в самом Хреновом народу не уменьшилось, и село – что ни месяц, что ни день – пополнялось людьми.

Фронт горел в сотне километров, и Хреновое жило военными буднями. Село разместило у себя фронтовые лечебницы: с ноября сорок первого по ноябрь сорок третьего здесь располагались семнадцать госпиталей. Местный леспромхоз быстро наладил выпуск ящиков для боеприпасов, мостового бруса для речных переправ. В Хреновском бору, в графском парке разместились резервные части, склады, боеприпасы, даже «Катюши».

В лето сорок второго немцы бомбили Хреновое. Не сказать, чтоб всё сменяя, но бомбили и железнодорожный путь, и дома, и парк. Улица Красная враз стала чёрной и поубавилась домами. Пострадал от мощной бомбы и фасад конезавода: купол центрального манежа покорёжило, снесло взрывной волною, лепной карниз оспинами исчеркали осколки, они же насквозь попробовали главные ворота-двери, и поставленные на пробоинах заплатки из жести видны и поныне. Искромсало кроны клёнов и лип. Повыбило стёкла фасадных окон. Глубокая воронка долго дымилась неподалёку от манежа. Взрыв оборвал ход часов над главными воротами.

А через несколько месяцев началось широкое наступление советских войск на Дону, и раздробленные и стиснутые танковыми клиньями, увязшие в глубоких снегах, в плену оказались большие «европейские массы». Каменные штольни Хреновского конезавода протяжённостью в четыре километра вобрали их в свои недра. Нашлось место и теплолюбивым румынам, и привыкшим к морозу финнам. Тысячами пригнали сюда венгров: Вторая венгерская армия ещё недавно вгрызалась в меловые толщи донского правобережья от Гремячьего до Белогорья, может быть, в надежде утвердить

мадьярское владычество на донских берегах как на былой и недолгой территории своих предков, скоро и брошенной в поисках лучших земель.

Итальянцев было, может, больше других. На пёстрых машинах и мотоциклах, на разнопородных лошадях и мулах добрались они в сорок втором до Дона – по своей и не по своей воле; иные – в ожидании побед, другие – в предчувствии поражений. Вышли к Дону, который римляне, их наступательные предки, считали концесветной чертой. Не конец света, но конец жизни – для многих именно так обернулось. Пленные жестоко страдали от холода, в конюшнях изломали все денники, повыламывали рамы, повыдернули и кинули в костер всё деревянное, способное гореть.

Многие ли из приальпийских пришельцев знали, что зодчим этого величавого лошадиного дворца, этого каменного мешка, этого ледяного, последнего их крова был их великий земляк Доменико Жилярди? Ещё меньше, наверное, знали, что основатель Хреновского конезавода и создатель конной рысистой породы русский граф Орлов любил их родину и прожил в Италии месяцы и годы.

Иные, отчаясь, не боясь пули, выбирались из каменного каре концлагеря и призраками бродили по селу. Никем не гонимые, забредали в избы, прося согреться и поесть, жалея крестьянок тоской по оставленным вдалеке чадам... И крестьянки, часто не знавшие, чем своих детишек накормить, подавали недавнему вражине картофелину или кусок хлеба.

По весне пленные сами рыли могилы для поваленных сыпняком, густо вымиравших от болезней и износа своих солдагерников, и никто теперь не скажет, сколь зарыто в тех тогда враждебных братских могилах: целый интернационал чужой воли, ненависти и беды упокоился в здешней земле.

Разве что редким счастливым из Альпийского корпуса – красы итальянского воинства – дано было вернуться в свои предальпийские итальянские городки и деревни. На исходе страшного века, на переломе тысячелетий, быть может, кому-то из них и поныне в старческих снах и бессонницах видится далёкий Дон, широкая русская степь и величавый, стылый лошадиный дворец, возведённый по чертежу знаменитого земляка Доминико.

БУДЁННЫЙ В ГОСТЯХ У ОРЛОВА

Через год после великой, переполовинившей деревню войны, с самой весны 1946 года, до обморока, до погибельно склонённого колоса поля стало жечь жестокой засухой. Засуха выжгла и воронежское поле, и былую графскую степь.

Государство на этот раз не дало развернуться смерти. Деревне выдавались ссуды, выделялся хлеб, жмых – пусть и не больше, чем чтобы выжить. Удержались люди. Удержались и кони – даже мосластые измученные коняги на холодных колхозных конюшнях. На государственных же конезаводах было получше – постоянное внимание, порядок, достаточный корм.

Хреновской конезавод, вернувшийся из-за Урала в голые стены, скоро отстроился. Люди работали на совесть. В каждом деннике – чистота и порядок; каждая лошадь всегда была вовремя накормлена и начищена, как для праздника; каждый жеребёнок был под заботливым, под ласковым приглядом.

Через три года после большой засухи в Хреновской конезавод приезжает Будённый.

Ещё не зарегистрированы должным образом (хотя по сути уже существуют), ещё мало известны в коневодческом зарубежном мире будёновская и терская породы, к созданию которых маршал деятельную “руку приложил”; ещё прославленному коннику-командарму профессор Витт не преподнес (поскольку ещё и не издал) свою основательную книгу “Из истории русского коневодства” с дарственной надписью: “Первый авторский экземпляр руководителю советского коневодства Маршалу Советского Союза Семёну Михайловичу Будённому”... Но про заботы известнейшего в народе человека по спасению и возрождению коня наслышаны и стар и млад.

Хреновое Будённый посещает в ранге замминистра сельского хозяйства страны. Быть среди первых маршалов и оказаться среди многочисленных министерских замов? Впрочем, Будённого едва ли это смущает. Коневодство – его любимое дело. Он разъезжает по стране, тщательно разбирается, где что так, а где не так, инспектирует конезаводы.

И что же он находит в Хреновом? Он объявляет благодарность всем работающим на конезаводе. В Книге посещений, начатой в сорок пятом, Буденный записывает: “7 июня 1949 года проверил работу Хреновского конного завода. Конский племенной состав нашёл в хорошем состоянии. Из жеребцов ведущими считать Посла и Улова. К жеребцам Послу и Улову подбирать лучших, экстерьерно правильных кобыл, с длинными линиями...”

Про Улова разговор уже был и ещё будет. Здесь стоит поговорить ещё об одном коне, который принадлежал Будённому. В первый мой приезд в Хреновое я слышал рассказ о том, что такой конь, почему-то безмянный, просто – Конь Буденного – долгие годы находился именно на Хреновском заводе. То был любимый конь маршала, и маршал якобы не раз – без официальной огласки – наезжал в Хреновое, чтобы в обнимку молча побеседовать с любимцем орловской породы.

Быть может, этот рассказ и этот заветный конь были отголоском действительно бывшего. Тогда речь следует вести о Софисте, вороном жеребце с “философским” именем, московского жительствова коне, на котором Буденный принимал парад сорок первого года. Позже Софист послужил живой моделью при подготовке памятника Кутузову, – скульптура полководца на коне установлена перед Бородинской панорамой. Есть воспоминания Томского, автора проекта. Скульптор рассказывает, как на его просьбу подыскать подходящего коня для скульптурного воплощения маршал откликнулся тут же: в мастерскую был доставлен конь, и не просто “подходящий”, а прекрасный и знаменитый маршальский Софист. В воспоминаниях скульптора есть прямо-таки трогательные строки о том, как

встречались Будённый и Софист в мастерской, как соскучившийся конь нежно клал голову на плечо человека, замирал и, как младший брат, слушал, что рассказывает ему старший.

Зная только эти подробности, понимаешь, почему Будённый мог целыми страницами наизусть читать “Холстомера”, – он психологически тонко, безошибочно, ранимо чувствовал коня.

Тут же вспоминаешь и другой эпизод, из молодости Будённого. Тогда, на хуторе Литвиновка у реки Маныч, где жила его семья, загорелась конюшня. Кобыл успели вывести, и когда пылающая конюшня уже была готова вот-вот рухнуть, кто-то вспомнил, что внутри остался жеребёнок. Но никто с места не стронулся, чтобы его спасти: пламя словно заворожило страхом. И вдруг Семён, схватив мокрую рогожу и накинув её на голову и плечи, кинулся в пекло и вскоре выметнулся оттуда с маленьким воронком.

Наблюдение, на первый взгляд, странное, но действительно есть и в характерах, и в судьбах Будённого и Орлова начала, которые объединяют их, разделённых немалым временем. Отвага, находчивость, удасть. Восхождение на вершины власти и, в сущности, равнодушие к карьере. Простота в общении, склонность к шутке. До смертного часа желание и потребность как можно больше узнать, любовь к книге, хорошие личные библиотеки. И, конечно же, любовь и привязанность к коню, можно сказать, жизнь, посвящённая коню, и видимое и неотменимое подтверждение тому конские породы, в названиях которых – орловская и будёновская – их фамилии.

Часто и не совсем верно указывают на происхождение Будённого – из казачества. Нет, он был иногородний, корни его – воронежские. Отсюда, из Воронежской губернии, с родины деда и отца уходил он на воинскую службу; отсюда его воинский “пройденный путь”, в монархические времена отмеченный георгиевским крестом, в советские – маршальской звездой. Воронеж в девятнадцатом отвоевывали его красные конники у отважного и обречённого корпуса белых.

Эти воронежские страницы маршал, скорей всего, снова перечитал в своей памяти, когда в лето сорок девятого года инспектировал Хреновской конезавод.

БЕСЕДА ПОД СТАРЫМИ ЧАСАМИ

Сентябрь 2000 года. Утренний час. Белое, малогреющее солнце. Мы сидим на скамейке, полускрытой кустами густой сирени. Позади нас десятки лет назад разорвалась бомба, и осколки до сих пор метят и пятнают фасадную стену конезавода, двери-ворота манежа. На купольной опояске – часы, которые тогда при взрыве резко и, казалось, навсегда остановились. Теперь они идут.

Мой собеседник – Григорий Павлович Алилуйкин – из уважаемой в селе коневодческой династии. На конезаводе работал конюхом его отец, был хорошим лошадиником, в сорок третьем ушёл на фронт и погиб под Смоленском; старший брат Василий Павлович, конюх и наездник, – тоже всю

жизнь при коне; сыну Сергею, тренеру, передал Григорий Павлович тренерское отделение, когда сам вошёл в преклонный возраст.

Невдалеке перед нами, у правого фасадного крыла, у углового манежа под сенью вяза неприметно сереет обелиск; на невысоком, из жести четырёхграннике – дощечка со словами, которые мой собеседник давно знает наизусть. “Улов... серый. Род. 1928. Ловчий – Удачная. 1949 пал”.

Впереди же, внутри бегового круга – скульптурное изваяние коня. Даже в камне он бежит. Бежит сильно, легко и машисто. Памятник – опять-таки Улову. С Улова и начинается наш разговор, вернее, рассказ моего собеседника.

– О коне, какой бы ни был, не говорят: издох. Говорят и пишут: пал. Будто о войне, убитом на поле войны. Да конь – он и есть воин и труженик. Героическая животина что на бранном поле, что на ниве. Хотя, признаться, смерть нашего Улова совсем не героическая. Даже, пожалуй, обидная. Неожиданная. От недогляда. Он переел пророщенного зерна, отравился. Поскольку конь был и стране, и за границе известен, переполошились крепко. Даже милиция занималась: не вредительство ли? Тогда во вредители без всяких долгих можно было попасть. Да и порядок, и пригляд были – какие и должны быть по-хорошему: не за деньги, а за совесть. Мы, молодые тогда парни, три года угоняли лошадей в ночное. Сотни лошадок – и ни одна ни пропала! А по Улову сильно переживал. Не оттого, что он знаменитый, привязался к нему, как к родному. Я последний, кто ездил на Улове. Понятно, не на бегах. Когда из конюхов перешёл в помощники наездника, мне и поручен был Улов. Мы с ним почти одних лет, разница в три года, но человек в двадцать лет – молод, а конь – уже по-старчески вдаль глядит. Мы с Уловом совершали прогулки в степь, и я от него, понятно, уже не требовал рыси. Всё шагом да шагом.

Через год после того, как Улов пал, мне скелет его поручено было доставить в Москву, в музей коневодства. Для вечности. Под обелиском-то сердце да иные внутренности схоронили, а кости выварили, обработали спиртами и уложили в двухметровый длины ящик. Были со мною и живые лошадки – Модель и Ковёр. На них как наезднику мне впервые предстояло выступить на Московском ипподроме. Но только добрался до Лисок – задержала железнодорожная ветслужба: не то ящик, не то содержимое его – не по форме, не то сопровождение – малое. Вызвали из Хренового зоотехника.

В Москве сдали знаменитую кость в Институт коневодства, добро, он был близко от ипподрома. И уже через день я, зелёный новичок, выступал на ипподроме. И даже приз завоевал: Модель примчала мою качалку раньше других. После повидал не один ипподром, выступал и в Одессе на Материке, и в Тамбове на Монблане – побеждал. Но первая, да ещё в столице, победа запомнилась более всего...

Треть века Григорий Павлович работал наездником, старшим тренером. Ему было что рассказать и о лошадях, и о людях, и о временах, в которых верхи кренились то в одну, то в другую сторону. А крен зацеплял и

простого человека, и коня. Бывало, что завод становился государству – как пасынок. Старый рабочий убеждён, что именно так было в хрущёвскую пору, в начале шестидесятых. Шло гонение и на церковь, и на крестьянский огород, и на конезаводы. Зачем эти табуны лошадей, ежели есть железный пламенный мотор? Зачем такая долгая, не дающая немедленного результата возня с племенными? Да и впрямь ли они племенные? Даешь массовую выбраковку! И чуть не вдвое сократилось поголовье конезавода. Словно недоброй памяти управляющий Седин воцарился наверху и приказывал, как быстрее покончить с конём.

Но, по счастью, директором Хреновского конезавода в то время был человек – полная противоположность всем сединым, всякого рода и всякой масти временщикам.

ВРЕМЯ КУЗНЕЦОВА

Без малого четверть века директорствовал на Хреновском конезаводе Иван Антонович Кузнецов. Он был хороший специалист-зоотехник ещё прежде, когда работал на Урале, но быть толковым специалистом и быть толковым директором – не одно и то же.

Три года перед тем проработавший директором Николай Всеволодович Попов не был зоотехником, но дела ладились. Он умер внезапно, готовясь к поездке в Москву, уже собираясь выйти из дома. Память о нём была живая и благодарная, но во внезапном его уходе и в приходе в директорское кресло нового человека, ему, новому человеку, какое-то время чудился дурной знак. Но над было думать не о знаках, а о большом ему вверенном хозяйстве. На исходе был пятьдесят седьмой год...

Производственная и зоотехническая обстановка понятной стала скоро. Своя традиция, своя устойчивость обнаруживались во всём, даже далеко за стенами завода: к середине пятидесятых из 130 орловских жеребцов-производителей во всех конных заводах страны более половины были или рождены в Хреновом, или происходили от жеребцов и кобыл, здесь рождённых. На конезаводе уже после войны были созданы новые линии, и рекордисты: Былая Мечта, Морской Прибой, Лабаз, Баклан, Великодушный.

Новый директор вскоре не только знал всех в лицо, но и знал кто какой работник, кто какой семьянин, и всегда готов был каждого выслушать и каждому помочь.

Конюшни занимали у Кузнецова не меньше времени, нежели поле и кабинет. Зоотехническое чутьё у нового директора было отменное. Он любил приглядываться к жеребяткам, и во многих безошибочно почувствовал будущих выдающихся рысаков-производителей, маток.

Текли дни, месяцы, годы. Когда выдавались зарубежные поездки, радостно было видеть орловских рысаков в конезаводах и на ипподромах Франции, Италии и Германии, Америки и Индии.

Драматическим для конезавода временем стало начало шестидесятых. Тогда хрущёвское пристрастие к кукурузе полагалось разделять всем

руководителям. Кукуруза – владычица и царица полей! А на Хреновском конезаводе по-прежнему сеют овёс, хлеба и подсолнух, и столько целины, столько степи непаханой! За отказ распахать вековую “графскую” степь – благодатнейший выпас – Кузнецова жестоко “мяли” на областном партийном бюро. Раз, два он устоял, а там уже и не кукурузным духом повеяло...

И снова на долгие годы занялся Иван Антонович любимыми конями и обустройством местной жизни: при нём и новые лесополосы поднялись, и зеркала новых прудов заблестали, и дворец культуры распахнул свои двери.

Несколько раз по журналистской службе выпало мне встречаться с Кузнецовым один раз встреча выдалась весьма грустной. Это было в 1976 году, вскоре после того, как сгорел бывший дом управляющего, в котором находился музей конезавода и библиотека.

“Утверждают, что рукописи не горят, – с горечью говорил он тогда. – А они горят, да ещё как! Вот сгорела библиотека, за два века книги – цены им нет. И рукопись нашего Фёдора Фёдоровича Бдюкина сгорела. Он создатель и хранитель нашего музея, надеялся и летопись оставить. Сгорела летопись. Да и музей... Экспонаты нам, правда, удалось их огня выхватить, но здание-то сгорело. Конечно, мы построим новое, но будут уже не те стены, в которых Суворин и Чехов когда-то смотрели “Женитьбу” Гоголя. Благотворительная была постановка, в помощь голодающим. То голод, то холод, то пожар... В войну я видел, как конюшня с жеребятами горела. Невозможно спасти было. Не дай Бог никому такое видеть. А новое здание мы построим”.

После того Кузнецов ещё много доброго успел сделать и для человека и для коня. И бывший дом управляющего при нём был отстроен заново – каким был до пожара.

А хоронили Ивана Антоновича всем селом. Река народу до самого кладбища. Провожали в последний путь на четырёхколке, в которую были впряжены лучшие кони. Кони шли и по бокам – как в траурном строю.

МУЗЕИ СГОРАЮЩИЕ И НЕСГОРАЮЩИЕ

Когда в зимний вечер 1976 года от не выключенной вовремя электрической плитки загорелся бывший дом управляющего – он же музей с библиотекой Хреновского конезавода, Фёдор Фёдорович Бдюкин, создатель и хранитель музея, весь был захвачен только одним: не дать погибнуть делу, которому отдано четверть века; не дать погибнуть книгам, картинам, конской упряжи, качалкам, подковам, – всему, что носит нейтрально-отвлечённое название: экспонаты.

Сторонний человек мог бы, наверное, возразить; дескать, что за потеря – сгоревшие невесть какие экспонаты местного музея. Вон в 1837 году сгорел весь архив Конюшенного приказа! Да что там! “Слово о полку Игореве”, а может и все наши главные “Слова”, вся отчая летопись сгорела в Московском пожаре.

Но всякая потеря печалит, если в ней – сокровенное, твоя душа, твоё сердце.

В подъехавшей скоро пожарной машине не было воды, а пожарники оказались под большим хмелем, пьян был даже водитель, которого возмущённый директор конезавода, обычно выдержанный и мягко нравный, выдернул из кабины, и сам отрулил машину подальше от пожара. Огонь поглотил библиотеку и подобрался к музею. Но тут подоспели учащиеся из училища наездников, почти полным составом: у них как раз было собрание. Сбежались и рабочие из соседних домов. Фёдор Фёдорович открыл заднюю, выходящую в парк дверь, и по цепочке стали выносить всё, что возможно было вынести; к полуночи дом выгорел, но музей – спасли. Только что это был за музей?! Под кронами старого парка, вразброс и ворохом, сотнями экспонатов лежал он, как поверженный воин. Была холодная ночь, иногда проглядывали звёзды, не совсем погасшие поленья отбрасывали причудливые блики. В парке установили сменное дежурство, но Фёдор Фёдорович так до утра и не уходил. Он горевал о потерях: скелеты великих коней поглотил огонь. А что ещё? В ту ночь он словно заново переживал прожитое и вновь и вновь возвращался в музей.

Уроженец недалёкой от Хренового Ново-Александровки, он до войны попал в город на Неве, где поступил в художественные мастерские и позже работал художником, и в войну плакаты мужества рисовал. Щуплый от природы, после блокады стал как заморыш. Но вернулся на родину и будто заново родился. В пятидесятом на Хреновском конезаводе была выездная сессия ВАСХНИЛ, сам товарищ Лысенко, сталинский академик, поглядев конезавод, благодарил за “хороший показ”. Тогда было решено к 175-летию Хреновского конезавода открыть музей коневодства. Ему, художнику, поручили готовить музей, и закутилось – ни дня ни ночи не знал. С одного зала всё началось. А потом – пять, а теперь...

Почему-то весь этот предметный страшный разброс-хаос в ночи видел он упорядоченным в музейных залах. Четверть века собирал, отбирал, сам рисовал и изготавливал, сам раскладывал, развешивал. Во всём – труд, время, добрая воля и увлечённость. Вот по крупичкам созданный им макет конезавода, а вон не без труда найденная им и приобретенная скульптура Орлова, едущего на санках; и ещё бронзовое изваяние Барса, работа Николая Либерица, отлито в четырёх экземплярах в 1875 году; рисунки старых и прославленных коней – хотя Барс со старинной гравюры, где он с приопущенной задней частью и больше похож на льва, ему не нравился, и хотелось его перерисовать по-другому, каким виделся Барс в воображении; а ещё – качалки, сани; а там – сбруя для тройки, изготовленная из латуни и бронзы ещё крепостными мастерами, крепкой кожи упряжь, наборы удил, подков, фалец, подколенников, больших и малых нагавок; призы, кубки, грамоты и великой ценности – заводские, племенные книги...

Трудно было в ту ночь поверить, что дом вновь отстроится и экспонаты возвратятся в музей, в котором он, Бдюкин, пребудет руководителем и живым путеводителем до конца своей жизни.

Преемница его Раиса Ивановна Костюкова – по диплому зоотехник-селекционер. Ежегодно привечает она в Хреновом более десяти тысяч приезжающего народа, экскурсии со всего бела света. И неизменны в её рассказе знание и добросердечное внимание. Она дружна едва не со всеми старожилками: дорога их память. Ведь, в конце концов, наша человеческая память – единичная, семейная, национальная – тоже музей. Быть может, – самый главный.

ЛОШАДИНАЯ ФАМИЛИЯ

В музее – заводские книги вековой и более давности: система заводских, племенных записей разработана и введена впервые в России, да и в мире, на Хреновском конезаводе; эта система – в основе всех племенных книг во всех странах.

Книги тяжёлые, увесистые, многокилограммовые; однажды Бдюкин на магазинных весах взвесил одну из них – девятнадцать килограммов! Заводские книги дают обстоятельнейшую роспись племенных жеребцов и кобыл – их клички, нрав, масть, вес, рост, данные о голове, ушах, глазах, шее, груди, копытах, крестце; дотошно выписывается родословная.

Открываем книгу, начатую в середине девятнадцатого века. На первой странице читаем: “№ 1 Непрístupный. Серый, грива направо, на пояснице с правой стороны голое пятно, росту два аршина, четыре с половиной вершка, родился в 1843 году в заводе бывшем графини Орловой-Чесменской, что ныне Хреновской государственный, от жеребца Непобедимого, второго сына Чистяка третьего, внука Ласкового первого, праправнук Барса первого, прапраправнука Сметанки белого, вывезенного из Аравии в 1775 году...” Столь же пространно-обстоятельна генеалогия и по материнской линии. И так – тщательно, с неторопливыми подробностями – расписаны по заводским книгам все рысистые, возвращённые в Хреновом.

Каких мастей жеребцов и кобыл не встретить в заводских книгах: гнедых, буланых, рыжих, бурых, соловых, мышастых, саврасых, чубарых, пегих! А листая записи за 1887 год, увидим даже голубую лошадь; некая голубомастная Асей (так и написано: масть голубая), рождённая от Бедовой и жеребца Айдениля с завода князя Вяземского.

Или же красный конь Петрова-Водкина. Может, именно в Воронежском крае – на Хопре, на Битюге, на Дону ли – увидел его художник, с полмесяца живший в Новохопёрске?

Так что, выходит, вересаевская зелёная лошадь или же есенинский розовый конь – не сугубое творческое воображение, чисто художественный образ. И всё же, при всех распространённых и редких мастях, основные масти орловской породы – серая и вороная; этих мастей – самые выдающиеся, самые известные рысаки.

А каких только кличек не бывает у лошади! Поэтические: Багранный, Морской Прибой, Былая Мечта, Весенний Луг, Вербя, Мелодия, Поэма, Безнадёжная Ласка; вовсе не поэтические: Вздор, Плут, Переполох, Карапет.

В ход идут военные и морские термины: Кольчуга, Мушкет, Десант, Корвет, Вельбот, Кубрик; географические, зоологические названия: Монблан, Ламанш, Лабрадор, Пума, Баклан, Перепел; слова-качества: Вдумчивый, Ветренный, Кокетливый, Будь Быстрая, Гордец, Весёлый Ухарь. Иные звучат совсем диковинно, безо всякого изящества: Лиолеум, Паровоз, Каталог, Жанр, Анод, Мансарда, Квадрат. А то и вовсе курьёзное: Посол-Мурашка.

Ну, понятно: Багряный. Но Лиолеум – зачем обижать рысака подобным названием? Объяснение, казалось бы, простое: в кличке коня должна проследиваться родословная, обязательно должны присутствовать первые буквы кличек отца и матери. Отсюда и возникают самые неожиданные сочетания. Скажем, Ламанш: отец Монблан, мать Луга. Или Воркун: отец Успех, мать Верба. Но, разумеется, многое зависит и от вкуса называющих, от их общей и коневодческой культуры.

Время, политическая суэта также часто припечатывают к лошади клейма-клички. В пору “великого перелома”, в начале тридцатых, когда в ходу было всякого рода увековечение вождей, их именами-фамилиями назывались не только города, улицы и заводы, но и – кони. На колхозных беспородных конюшнях то и дело окликали Бухарина, Сталина, Будённого... Скоро, однако, закончилось: обнаружили, что через коня при сердитом настроении колхозника доставалось и вождам: “Ну, пошел!..”, “Но, проклятый!..” Полбеда, когда “проклятый” – Бела Кун, который на конюшне с ходу стал “Белый Конь”; а каково, например: “Да не рви ты, проклятый Каганович!”

Дух новоперестроечных времён вполне схвачен в лошадиных фамилиях, вроде: Приватизация, Ваучер, Доллар, Демократия, Перестройка, Гласность, Инфляция... Любое новое словцо, случается, идёт в ход, пусть оно и неблагозвучно брэнчит, пусть даже оно агрессивный пришелец-химера. Уходит из лошадиных кличек былая содержательность. Ведь раньше человек давал кличку коню не на третий день, как ныне, а по истечении продолжительного времени, когда уже становились видны норы, сила, резвость, – словом главные черты коня. За кличкой-именем угадывалась сущность.

ОТ МНОГИХ ЯЗЫКОВ И СТРАН

В музее Хреновского конезавода есть и более привычные книги – Книги посещений и отзывов тех, кто здесь побывал. Среди них люди всемирно известные и безвестные, большими экскурсиями, малыми группами и в одиночку, из разных континентов и стран. Записи на главных языках мира. Перечитать или хотя бы перелистать все эти книги – истинное удовольствие: будто многоцветный узелок развязываешь.

“Книга посетителей Чесменского завода его императорского высочества великого князя Николая Николаевича старшего, 1875”. В красном кожаном переплёте, в семьдесят мелованных страниц, с красивыми – с **ять** – записями и подписями: от младших чиновников до статских советников,

губернаторов, министров, от безвестного ротмистра до всеславянски известного Скобелева Первого, – книга эта заключает в себе нечаянный трагически-символический смысл. Записи прекращаются в январе 1917 года. Дальше – февраль, смута, обрыв. И возобновляются только в 1990 году. Причём это уже записи посетителей Хреновского конезавода. Прежде, во времена ещё монархические, гости, посещая Чесменский конезавод, едва ли упускали случай побывать у его “старшего брата” – на головном Хреновском конезаводе. Так что новыми записями словно бы восстанавливалась прерванная связь поколений. И всё же между семнадцатым и девяностым годами записи побывавших существуют – в других книгах. Одна из них – “Книга на записку лиц, посещающих Хреновской конезавод”, – таковую в июне 1921 года предписал вести ГУКОН, то есть государственное управление коневодства.

Здесь на страницах – уже совсем иной народ и мир. Без **ять**. Напористый, дерзкий, спешащий. Новые военные. Новые студенты. Новые администраторы и чиновники. Новые гении. Иные, может, и впрямь – в скором люди выдающиеся, но пишут на русском языке непонятней иностранного: спешат!

Есть тут, правда, строки, стиль и тон которых, деликатный и чуть декоративный, выдают если не представителей старого мира, то людей традиции – культурной, научной.

Сотрудники Воронежского сельскохозяйственного института летом 1926 года прибыли изучать степные сенокосы и пастбища, и “вся экскурсия горячо приветствует завод со днём его предстоящего юбилея и желает ему самого прекрасного развития среди яркой степной природы”. Это запись профессора Келлера, его сын – друг и литературный соратник Андрея Платонова. Годом раньше – лаконичная, деловитая строка самого Платонова: “Губ.мелиоратор А. Платонов”. И никаких излишней!

А вот последняя запись книги, как говорится, ещё дожидается своего исследователя. “31.V.1936. С большим удовольствием посетили Государственный Хреновской конезавод. Дело большое, государственного и оборонного значения. Проведена большая работа. Конский состав в превосходном состоянии. Дело это над всемерно крепить, поддерживать. Всему коллективу работников и руководству желаем большого успеха. Обязательно к 1937 г. надо издать превосходную книгу: История Хреновского завода за 160 лет”. Из трех подписей одна явственно читается – акад. Н. Вавилов. Великий учёный-генетик, как видно, не только побывал в нашем крае, но и был озабочен предметным его устройством.

Ещё одна посетительская книга открывается записями сорок пятого года и с перерывами длится донныне. Академик, маршал, космонавт, артист, поэт, председатель Государственной Думы, командир атомного подводного крейсера «Воронеж» благодарят за радость видеть славный русский уголок. Хороши слова шахматиста Анатолия Карпова, художника Александра Шилова, артиста Вячеслава Тихонова, певицы Валентины Толкуновой:

говорят о малой пяди, думая о большой России, чувствуя её боль. Сербия и Чехия, Франция и Германия, Индия и Япония, Англия и Америка – и оттуда приезжающие также оставляют автографы благодарности.

За краткими или протяжёнными, вдумчиво-неторопливыми или поспешными строками – имена, судьбы, страны. Сошлись нечаянно, не зная о том, самые разные люди двух столетий, и чем-то взволновал их этот степной уголок русской земли с его красивыми людьми и красавцами конями.

ПОДКОВА НА СЧАСТЬЕ

Однажды в молодости, не по службе, не по редакционному заданию, но по своей доброй воле целый день провёл я на Хреновском конезаводе – и возле, и внутри; пришёл чуть свет и ушёл, когда в вечернем небе месяц завис утерянной кем-то красной подковой.

Теперь, ровно треть века спустя, во впечатлениях словно бы повторялся тот осенний день. Никуда ни на шаг не сдвинулся конезавод, и был он что монолит. Просторный, на трёх десятках гектаров архитектурный ансамбль – мощной кладки каре многокилометровых стен, с главным и наугольными манежами, с куполами и арками, с опояской по горизонтали уложенных узких, словно бойницы, окон, – во всём чувствовалась незримая, но и наглядная сила если не вечности, то надёжной долговременности.

Кажется, всё было как прежде. Снующие люди и повозки на внутреннем дворе. Наездники, тренирующие молодых рысистых на беговом круге. Но люди – уже другие, и другие – кони.

Тогда старшим тренером был Алексей Мещеряков. Наблюдая за утренней выездкой, он рассказывал мне про искусство наездника и про лучших наездников – выпускников местного училища: Александра Евдокимова, многократного рекордсмена, тренера юношеской команды Советского Союза; Михаила Пичуева, чемпиона страны среди сельских конников; Валерия Метленко, чемпиона России по троеборью.

Теперь за утренней выездкой следил старший тренер Леонид Махинов и также рассказывал мне про искусство наездника, но называл уже другие фамилии: Евгения Казьмина, Виктора Повалюхина, Сергея Алилуйкина; это рабочие, не ипподромно-состязательные наездники, их задача – подготовить молодого конька к ипподрому, к соревновательному бегу, к "призу".

Леонид Махинов – фамилии в здешних краях известной, его прадеды из Шукавки и Чиглы в досталь положили трудов, времени и природного чутья, чтобы улучшить породу битюга; коневодческие издания упоминают об этом. Закончив Хреновское училище наездников, Березовский сельхозтехникум, Воронежское сельскохозяйственный институт, Леонид жизнь свою прочно связал с конём: прежде чем стать старшим тренером по рысистому отделению, поработал и наездником на Харьковском ипподроме, и семь лет – тренером-наездником на Хреновском конезаводе. Отношение его к орловской породе не завышенное, а возвышенное: мол, столь

грациозна, что балерина позавидует; и по жизни орловский рысак всем пригож: что в тройке, что в качалке, что в санях – конь-огонь! Да и в телегу если впрячь – тонну груза повёзет, правда, после этого на ипподром лучше не выпускай, рекорда не жди; а ведь так случилось, что именно на ипподромах, на бегах более всего заявил о себе орловец; и в книгах, и в молве прославлен как победитель ипподромного круга, как чемпион и рекордсмен.

Мягко по тренировочному кругу катятся качалки, влекомые молодыми рысаками. Угляди, какой из серых, вороных – будущий чемпион; на нём не написано, как он побежит в соревновательном беге на ипподроме, а, тем более, как побегут его дети. Чтобы вырастить настоящего коня-бойца, требуется длительный и чуткий тренинг. Старинный завет, он же и орловский наказ, не устаревает: человеку природа дает жеребёнка, человек делает из него рысака. И конюху, и фуражиру, и пастуху, и лекарю, и шорнику, и ковалю – всем требуется денно и нощно заботиться о жеребёнке и в нужный час – не упустить молодого конька. Но главная фигура – тренер-наездник. Настоящим наездником надо родиться. Тогда только приходит успех на ипподромном круге, когда чувствуешь коня, как самого себя.

Жеребёнка с полугода, отняв от матери, отправляют в степь; в густотравном раздолье он набирается сил; тут его приучают к табуну, исподволь – к недоузду. По осени жеребят возвращают в заводские конюшни. Здесь жеребёнка окончательно разлучают с матерью, таврят, определяют в тренерское отделение. Поначалу молодого конька не трогают, щадя его чувства печали по матери и подступающей неизвестности. Но скоро набрасывают недоуздук, аркан, “обтягивают” – иными словами, приучают конька к человеку. Переводят из денника в сарай, чтоб привыкал к себе подобным. Наступает время “проводки” – прогуливают по конюшенному коридору, далее – на левады. Надев уздечку, водят по внутреннему двору, потом осторожно и ненадолго выводят на круг. Позже – начальная заездка, “на вожжах”, когда впереди идущий придерживает жеребёнка за недоуздук с поводом, а наездник “работает” вожжами, приучая будущего рысака к удилам, к исполнению своей воли через вожжи. Наконец стригунка заезжают в качелях или в санях – сначала шагом, затем тротом, через какое-то время – в два реприза, далее размашкой, далее махом, наконец, рысью. На бумаге коротко изложенный тренинг на самом деле требует долгого времени, искусства, доброты, преданности.

Случается слышать от старых, сошедших с круга наездников, что, дескать, не те ныне рысаки, что прежде, чего стоил вон один Крепыш! В начале двадцатого века Крепыш был действительно по резвости горделиво один: одолевал ипподромный круг в 1600 метров за 2 минуты и 8,5 секунды. А сейчас? Сейчас рысаков, бегущих резвее 2 минут 10 секунд – десятки.

Мягко стремят качалки. Впряжённые молодые рысаки, повинуясь воле наездников, то замедляют, то убыстряют движенье. Иные идут тротом, другие – размашкой, махом, а один переходит на рысь. И все эти аллюры не прирождённые, но искусственные. Выработанные в долгих тренировках.

После тренировки разговорились с наездниками. На беговом круге, в качалках они внешне выглядели спокойными, даже невозмутимыми. Рассказывая же о своих буднях, поддавались разноречивым чувствам и настроениям – то озабоченности, то уныния, то надежды. Сегодня редкая беседа обходится без жалоб – жаловались и наездники, словно бы надеясь, что им в силах помочь человек со стороны; прежде каждому из них выдавали добротные спецовки, полушубки, валенки, сапоги, а в перестроечную сумятицу и неразбериху куда что подевалось! Опытный и многое повидавший наездник под улыбки товарищей рассказал, как он в девяносто третьем тогдашнему российскому вице-президенту орловского рысака Капра в большом манеже демонстрировал. Коня-то сумели нарядить, а наезднику подходящих сапог не найдут: есть, да малы, пришлось ноги мылом смазывать; втиснул их в сапоги – как обручами стиснул. Что-то с ногами будет, если эти вице-президенты, вице-премьеры, вице-министры зачествят на конезавод? Смеялись наездники, но без особого веселья. Пускались в исторические параллели. «Поди, когда граф Орлов приезжал, у наездника или какого служащего и кафтан впору был сшит, и сапоги не жали». – «Что графские времена тревожить? После войны, отец рассказывает, в приезд Будённого и в манеже, и на круге тоже устраивались смотрины рысакам; так и качалки были все исправны, и у наездников забот со спецовками не было». – «Ничего, когда-нибудь впряжём нового Улова, и качалки будут что надо: чемпионские». Обещали ещё, как в девятнадцатом веке, “удивить французов”, но, правда, не в один голос и без той шапкозакидательской уверенности, какая нередко оборачивается конфузом.

Конезавод внутри – и прежний и не прежний. Отремонтирован центральный манеж. Конюшни, что строгими крыльями уходят от манежа, тоже обновляются. Тяжёлые стены, в зиму надёжно держащие тепло, в лето – прохладу, сложены на века. А вот опорная крепь... Опорные столбы из лиственницы, крепкого дерева потолки ещё три десятка лет назад казались несокрушимыми. Но всему свой век: на крепчайших, словно литых лиственничных столбах густо открылись раны старости; изъеденные древоточцами, столбы стали трухлявыми, непригодными держать потолки, тоже истлевшие, изъеденные древесной нечистью. Опорные столбы, отслужившие своё, сменил строй железных труб, их предоставил “Воронежстальмост”.

В мягком послеобеденном полусумраке конюшен, в чистых денниках – знатные кобылы, знатные жеребцы. Разных мастей матки. Разных мастей производители. Поток, Анчар, Кай, Акцент, Парафин, Никотин... Последний – сын того Капра, из-за которого, дабы показать его кремлевскому перестроечному деятелю во всей красе, наездник вынужден был ноги намыливать, чтобы натянуть на них тесные сапоги.

Идём от денника к деннику, и начкон Виктор Александрович Цуцков каждому коню своё слово находит, на ходу, не без горечи объясняет: «Не лучшие для людей дни – они и для лошадей не лучшие. Не хватает средств. Не хватает дизтоплива. Не хватает кормов. Раньше овёс и пшеничные отруби

задавались коню по полной норме, а теперь разве что кукурузный силос в достатке, так он другие корма не заменит. Конечно, людьми многое держится. И хоть старый, двужилый народ сходит, но дух доброхозяйственности, добросовестности передаётся и приходящим. Люди часто времени и сердца не жалеют, глядишь, не овсом, так лаской радуют коня».

Дух доброхозяйственности, добросовестности. Година же године рознь. Пылесос, посаженный на цепь на стене, разумеется, облегчает конюху-мужчине чистить коня, но одним только пылесосом его не очистишь. А щёток-скребниц не хватает – ни железно-игольчатых, ни резиновых.

В моём путевом блокноте – рассказанное женщинами-конюхами военных и послевоенных лет. И чтобы хоть в малости представить дух и образ того времени, хочу привести рассказанное ими – как есть.

Из рассказанного Марией Дмитриевной Липиной.

– Спросить бы меня, сколько годков отдала я конезаводу? По бумагам – тридцать три. А по сердцу – больше. Вон в манежах ковры – мы с напарницей постелили их из цветных опилок. Мне так хочется, чтобы краше, поустроеннее было и на заводе, и в селе. Может, оттого, что с детства видела своими очами разрушение.

Куда краше было бы наше село, ежели бы в тридцатые годы не порушили церковь Казанской Божьей матери. Красивая белая церковь. Рядышком сад, пруд, неподалёку конезавод. Сколько помню себя, любила колокольный звон слушать. И надо же – на моих глазах колокола с колокольни сбросили! Я тогда маленькой была, и мучила меня золотуха. Ночью глаза открывались, а днём ничего не видели. Повела меня мама в больницу. Не успели врачу показаться, как слышим крик: “Колокола сбрасывают!” Из больницы все к церкви побежали. Большой колокол уже на земле лежал, но глаза мои не видели – были закрыты. Тут второй колокол, поменьше, сбросили. Колокол ударился о колокол, и вдруг глаза мои открылись. И я увидела кусок, который отвалился от колокола. И заплакала. Хоть и дитё, а, наверное, поняла, что колокол уже не зазвонит. А какой красивый был звон! Лошади, бывало, на левадах поднимут головы и слушают, и слушают. Видать, и им нравилось.

Стала повзрослее, и снова дорогое порушили. И снова на моих глазах. Летом сорок второго наш дом разбомбили. Мама едва успела выхватить меньшую сестрёнку из дому. Мы укрылись в окопе на огороде, а вражина-лётчик сверху всё видел. Прострочил по огороду пулемётной очередью. А затем бомбу сбросил. И дом наш на части развалился.

Женщина-конюх, наверное, не в каждой стране есть. А у нас после войны кому было идти в конюха? Мужики полегли на чужих полях, а женщин и девчонок доставало всякий крест нести. Тогдашний рабочий день был подолее нынешнего. С шести, а то и с пяти утра. Затемно идёшь на конюшню. Сперва навоз отбиваешь, денник чистишь. Поишь кобыл, задаешь им овса. Затем начкон приводит жеребца-пробника. После задаём сена и чистим маток скребницами, без той скребницы по-настоящему лошадь не

вычистить, ещё чистим щёткой и протираем круп мокрой суконной тряпкой. Лошадка лоснится, блестит, её что на конной ярмарке, что на параде показать не стыдно. В обед – снова поить, задавать овса. А сено – на левадах, лошади с обеда часов пять кто чем занимаются – отдыхают, бегают, стоят, лежат, к деревянной жердине голову клонят. Левады хороши в солнышко, когда тёплая сухая погода. Досада, когда кобыла на леваде в дождь: обычно каждая приглядывает лечь в самую грязь, и от утреннего лоска ничего не остаётся. К вечеру отлавливаешь кобыл, каждую заводишь в свой денник – в чужом она стоять не будет. Денник – это как лошадиная квартира, и его каждый год приходится обновлять. Это значит – на полметра скапывать и выбрасывать старую насыпь, дезинфицировать пол, заново насыпать и трамбовать. Пол глиняный: он хорошо впитывает влагу и оздоравливающе действует на лошадиные копыта. На ночь снова поишь, раздаёшь сено, овёс – суточная норма шесть килограммов. Ещё оставляешь в кормушке мел, соль кусковую, а сено и солома – на полу.

С утра круг повторяется. И подумаешь, сколько таких кругов выдалось? Вся жизнь, считай, из них сложилась.

Из рассказанного Анастасией Андреевной Бурмистровой.

– На конезавод я поступила в пятнадцать лет. Конюхом стала, когда ещё война шла. Тогда конюхами сплошь были женщины, всё больше девчонки, мал мала меньше: почти все чистили лошадей с подставок, их специально изготовили для нас, маломерок. Или позже, бывало, веду першерона на водопой, тяжеловоз он и есть тяжеловоз: я перед ним как былинка перед дубом. А бригадир, на меня глядя, посмеивается: “Мал золотник, да дорог”. Поначалу я лошади боялась. Только прынет она – вылетаю из денника. Да правду говорят, что достается боязливым. Была у меня одна неудобная лошадь. По кличке Миловидная, а по норову такая злока, что её всяк старался стороной обойти. Красивая, но с дурью. Однажды вывела её в коридор, привязала к настенному кольцу, только принялась чистить, а она меня как огреет задними копытами! Ноги мои будто полымем ожгло, враз стали синие. А поправилась и будто заново родилась: перестала бояться. И кобылки потянулись ко мне. А как же! Их охорашиваешь, как невест, кормишь, поишь. После войны при конюшнях ещё были старые срубные колодцы – глубокие. Так я, бывало, ведер тридцать натаскаю, вот и удовольствие моим лошадкам: иная в день два ведра выпьет, а иная – и три. Со временем научилась разговаривать с лошадьми. И смех сказать, сутки, бывало, не увидишь их – уже скучаешь, спешишь, как на свидание. После войны денники освещались каганцами, мы их называли “коптюшки”. Они и в самом деле больше коптели, чем светили. Всё же свет был – такой мерклый. Чуть тревожный. Чуть таинственный. Зайдёшь в такой час в денник, скажешь “Прими!”, а глаза у воронухи, огромные глаза, так тихо и понимающе мерцают, словно она тебе сестра родная. А если конь – так брат? Не знаю. Мне всё больше с матками приходилось иметь дело.

Да и сейчас – уж давно в пенсионных годах, а однажды с конезавода прибегают, просят роды принять. Семьдесят жеребых кобыл, и многим

подоспел срок. Что ж, помогать – как старое вспоминать. Готовишь аптечку, солому, воду. Иная кобыла рождает лежа, другая – стоя. Пузырь как только выйдет – прорываетесь. Видишь – головка, передние ножки. Чуть потянешь, ещё, ещё. И вот жеребёнок уже на земле. Протрёшь его всего простышкой, а он елозит по деннику, кувыркается, встать не может. Подтянешь к матери, а он и вымени-то не найдёт. Дрожит, беспомощный. И это, подумаешь, будущий чемпион? Пусть и чемпион, эка важность. Радуешься: ещё одна жизнь!

Из рассказанного Натальей Алексеевной Башариной.

– Конезавод – разве не судьба моя? Другое дело – что за судьба. Я сюда как в семнадцать лет пришла конюхом, так через сорок лет и ушла конюхом. Кому – коханье, кому – конюхованье. Мой отец тоже был конюх, да в войну сгинул, пропал без вести. И старшая сестра много лет работала на Киевском ипподроме, туда привозили орловских рысаков, а она приглядывала, ухаживала за ними.

Я за лошадьми, за матками света белого не видела, а любила их так, что в ночь, в дождь, в снег спешила, тревожилась: как они там? Надо воды тёплой захватить, помыть им гривы, хвосты, напоить, накормить, убрать в деннике. Так изо дня в день. И трудно, но мне было по сердцу. Это представить надо: конюшня в ранний или поздний час, и сопят, похрумкивают они, вороные, гнедые, серые. Умницы, невольницы, послушницы. И всё, что чувствуют они, ты, кажется, понимаешь.

Краше, чище моих коняшек, наверное, и не было. Кобылянский, директор из евреев, труженик, о нём худого слова люди не говорили, добрую память по себе оставил. Зайдёт на конюшни, вынет платок из кармана, проведёт по крупу – платок белый, лошадь чистая. Похвалит. На праздники многим работникам подарки выпадали. А я четыре раза была на главной выставке в Москве, занесена в Почётную книгу выставки. Да есть ли она сейчас? У меня орден Дружбы народов, Знак Почёта, полторы дюжины наград, только куда нынче с ними?

Я поздно замуж вышла. Раньше не складывалось. То мать тяжело и долго болела, то лошади не отпускали... Живём с мужем без детишек, одни... Долгая жизнь, всякого насмотрелась, всё прошлось рубцами по сердцу. Эшелоны с лошадьми под бомбежкой как вспомнишь – да не дай Бог!

Дом графини Орловой, где живём, давно уже на несколько закутков поделён, вот и наша жизнь здесь к концу подходит.

Из конюшен попадаешь во внутренний двор конезавода и невольно останавливаешься. В воздухе большими числами голуби и галки, тьма их, перелетающих с крыши на крышу, и шум их крыльев – как шум леса под ветром; странные, заполошные птичьи колонии, соседствующие невразумно. Голуби невольно заставляют вспомнить опять же Орлова: быть может, в их лёте, во взмахах крыльев сохранились отголоски и токи быстролётной, им выведенной голубиной породы, сизые избранники которой были доставщиками графской почты не на один десяток вёрст. У

раскидистой, у красных гроздьях рябины, может, и не столь долгий век, чтобы помнить давнее; но близкий могучий дуб вполне мог видеть графа в один из его приездов.

Конезавод – как маленький городок. Всё есть – люди и кони, здания, деревья, птицы. Разумеется, и запас еды: сенник, лари для овса. Есть и лазарет, где лечат занедужившего коня. Есть и карантинный блок, где конь после ипподромного забега три недели проходит восстановление, подобно тому как в барокамере проходит восстановительный курс водолаз, побывавший на большой глубине. На левадах – огороженных загонах под открытым небом – мирно коротают послеполуденные часы и орловские, и арабские лошади; сразу и не поймёшь, каких больше. Выкроена левадка и для пони, и они, небольшие числом и ростом, держатся так важно, словно на конезаводе все двести лет только и думали, как бы занять этих диковинных лошадок.

Тренерский корпус, склады, шорня, кузница, сварка, пильня – без этого конезаводе не обойтись. Иное содержится в порядке, другое – едва держится.

Шорня – в малом закутке, где ворохом набросаны порванные, поломанные недоуздки, вожжи, сёдла. Руки у шорника к делу привычные, да сыромятного ремня не хватает, а без него упряжь не поправишь. Скреплять же ременным старьём – всё равно что гнилой ниткой прошить: порвётся, едва выедешь за ворота.

А кузня – запах железа, запах перегоревшего угля. Окно открыто, но угарно-сернистый, пропитанный угольно-чёрной пылью воздух тяжёлый. Кузня ремонтирует качалки, тележки, изготавливает подковы, стремяна, ковочные гвоздки, мелкие железные поделки. Есть электрический горн и пневматический молот, но более всего надобны здесь верные, крепкие руки и искусство кузнеца. Чтобы добротная подкова вышла, надо заготовку – круглый железный прутик длиной в треть метра – семь раз разогреть докрасна. Технология ли таковая, или тут “обычай правит”, но, как бы там ни было, кузнец ручнойковки Николай Деев уверяет, что иначе настоящей, прочной подковы не получится. Горячий труд оплачивается скромно. Стан, то есть четыре подковы, и нынешними – несильными – тремя рублями не оплачивается.

Изготавливается более тысячи подков ежегодно. И разных. Для тяжеловозов, для рысаков упряжных и скаковых, для жеребят-двухлеток, готовящихся к бегу. В конезаводе до сорока рабочих коней – русских тяжеловозов, у них подковы, сколь ни массивны, изнашиваются быстро: и сами кони тяжелы, и тяжести немалые, тонные развозят. Чуть помедленнее, но изнашиваются, конечно, и прочие, более лёгкие, выездные подковы, а износ зависит и от времени года, и от упряжи, и от погоды, и от нагрузки, и от дороги, проселочной или асфальтной. Подковывают же коня с двух лет. Но и до того ковалю есть дело; он расчищает копыта, ещё со стригунка срезает всё лишнее. Он же и оковывает копыто: малое – шестью ковочными гвоздями, большое – восемью; гвозди вгоняет в ороговевший слой, загибая вышедшие наружу концы, чтоб подкова держалась. Молодому коню крепят

подковы без шипов, чтобы он, при нечаянном заплетении ног, не ранил себя шипами. Но далее предпочитается подкова нередко даже и не с тремя шипами, а с целой их опояской, – наездники перед соревнованиями сами подковывают рысаков именно такими подковами, тонкими и многошиповыми.

Фуражиры на повозках развозят корма. Конюха задают овёс и сено стоящим в денниках жеребцам и кобылам. С крыши на крышу, с дерева на дерево шумно перелетают голуби и галки. И вдруг доносятся ясные, чистые звуки классической музыки. Оказывается, в стенах конезавода размещается музыкальная школа. И быть может, музыка, извлекаемая детскими руками и сердцами из клавишей и струн, столь же целительна для коня, как и высокий колокольный звон.

А на арабском отделении начкон и его помощники занимались графическим описанием жеребят-полуторагодков. Графическое описание даётся жеребёнку на третий день, как он рождается, в полтора года и ещё несколько раз. Тут всё учитывается – высота холки, обхват груди, голова, шея, ноги, копыта. Бригадир босиком выводил за недоуздок молодых “арабов”, а те не стояли на месте, непокорно крутили сухими точёными головами. Пантеон, Капкан, Нагайка, Белка, Мария – что будет из них через год-другой?

Уже темнело, когда я покинул двор конезавода. На выходе увидел под ногами что-то смутно мерцавшее, нагнулся – подкова. Какой конь потерял её? Говорят, подобрать подкову именитого – на счастье. А не именитого? Сколько коней, пусть и безвестных, пусть и незнаменитых, взрастало здесь? Кто возвращал их? Люди скромно делали своё, казалось бы, не столь приметное, но необходимое – самый добросовестный летописец обо всем рассказать не сможет.

НА ИППОДРОМНОМ КРУГЕ

«Прекрасным утром мая элегантная амазонка на великолепном гнедом коне скакала по цветущим аллеям Булонского леса». Булонский лес хорошо известен русским коннозаводчикам и наездникам ещё со второй половины девятнадцатого века – на тамошних бегах орловский рысак не раз оказывался первым. Что же касается амазонки и её коня, тут некоторое недоумение возникает, поскольку через несколько страниц молодая женщина из элегантной превращается в стройную, что знаковой разницы не имеет, но с какой стати, каким образом гнедой вдруг превращается в гнедого в яблоках?

Фраза – из «Чумы, знаменитого романа знаменитого французского писателя Альбера Камю. Гран, один из героев романа, всё время бьётся над этой фразой, стремясь довести её до стилистического совершенства. Но более существенное, нежели стилистическая вязь, обнаруживается уже в начальном варианте фразы; ещё древние полагали, что природа, женщина и лошадь – три совершенные, идеальные натуры, дарующие вдохновение каждому, кто

способен вдохновляться. Все эти три натуры у служителя стилистики Грана вольно или невольно соединились в одном предложении.

Амазонка и Булонский лес вспомнились мне, когда я увидел Олесю Прохорову, и тот знаменитый французский лес был далеко. Увидел её не в радостный час, когда она в дождь, в грязь на запалённом рысаче одолевала последнюю прямую перед чертой, за которой была победа. И не в тот печальный час, когда она тренировалась на местном ипподроме, и вдруг мерин под нею, чего-то смертельно испугавшись, так прынул, так взвился и сиганул с круга, что треснула крепь седла, и она слетела, а нога запуталась в стремени; ошалелый конь неся на кленовые стволы близкой посадки, а её голова всё время билась о землю; закончилась та тренировка мозговым сотрясением и районной больницей.

Я увидел Олесю в мирной вечерней обстановке Хреновского конезавода, и во время нашего долгого разговора мог разве что поражаться её привязанности к ипподромному кругу, к верховым рысистым.

Лыжи, бобслей, мотогонки – всё это было у неё, пока не проехала на коне. Десяти лет Олеся с горного Урала отправилась к бабушке на Волгу и поступила там в колхозную конно-спортивную школу, а затем, спустя пять лет, – в Хреновское училище, единственное на всю страну. Рекорды с ходу не являются, надо всерьёз и учиться, и на конюшне работать, а это совсем иначе, чем в кино или на картинке, и многие отсеиваются. Олеся же на конюшне – своя: лошади в ней почувяли свою.

Многомесячная командировка в Польшу, на Варшавский ипподром началась с неудачи: на первых же бегах Олеся оказалась последней. Забыв о друге, принялась за многочасовые тренировки. Чтобы тело стало суше, а вес меньше, бегала по три часа летом в зимней одежде и обуви, питалась фруктовыми кефирами да ещё отварами из крапивы и мать-и-мачехи. Скоро вошла в десятку лучших, а уже к концу лета на гнедом Майкопе несколько раз первой достигала финишной черты.

Из Варшавы – в Москву, там осенний конно-спортивный праздник, “Кубок России”. Но и здесь, как в Варшаве, у Олеси началось с досадного: за три часа до соревнований путы порвались, стремяна полетели. Упряжь успели подладить, но гнедая четырёхлетка Мирба была измучена переездами – из Пятигорска в Хреновое, тем же днём из Хренового в Москву, несколько часов назад как из вагона. Когда начался забег и Мирба какое-то время пыталась бежать на обгон остальных, Олеся с болью почувствовала, насколько кобыла измучена и как она неуловимо для глаз стала сдавать. Олеся помахивала хлыстом вдоль крупа, но ни разу не ударила, только двигала руками по бокам лошади, словно поглаживала. И Мирба благодарно откликнулась, всю себя отдала нелёгкому бегу и на финишной черте была второй.

Вернулась из Москвы, соскучилась по селу, как по родине. Всё бы хорошо, да её любимого жеребца Дара, арабского скакуна, продали в Арабские эмираты. Жизнь – песня переменчивая: в не столь отдалённую хрущёвскую пору мы, пшеничная страна, закупали пшеницу в песчаной

Аравии, а теперь Аравия, родина арабского скакуна, не прочь приобретать у нас арабских скакунов. Ладно и складно, да что Олесе до того, коль Дар теперь за долами, за морями. А она ему песню посвятила, хоть и хлебнула горя с ним, своенравным. Зайдёт в денник, а он как взвьётся свечой! То свечил, то падал. Боялся сам себя, но и всех пугал. С рысаками покрупнее схватывался в единоборстве. Пытались его везти на прицепе – прицеп измял. Его назад вернули, он, кроваво-красный, с кровавого прицепа спрыгнул.

Скакуны Дар и Град дали ей увидеть, что такое настоящая дружба между конями. Открывала денники, и скакуны сходились голова к голове, готовы были так стоять часами, трогая шеи друг друга, глядя строгими преданными глазами. Да разве это тот Дар, что вчера ещё способен был всех и вся смести на своём пути? Олесья остро почувствовала значительность, истинность лошадиных переживаний.

Она от природы умеет жалеть коня. Но в её намерении победить в ста забегах и стать жокеем жалость – почти препятствие. На ипподромном круге конь может вдруг испугаться и попытается сбросить седока. Иные древние вожди предпочитали идти в сражение спешась, полагая, что, будучи всадниками, они вверяют свою судьбу не только собственной воле, но и непредсказуемости коня.

На одной чаше весов – желанное жокейство, на другой – жизнь, которую можно было бы прожить совсем иначе: Олесья стихи пишет, музыку сочиняет, рисует.

Грустно усмехнулась на мой вопрос, а в глазах – ответ, выбранная стезя, круг. Отвечает и словами: “Кому – рисовать, кому – рисковать”.

УЛИЦА БЕГОВАЯ

Когда Николай Михайлович Мосолов, деятельный, толковый председатель Бобровского райисполкома, оставил по весне 1981 года свою перспективную должность и занял кабинет директора Хреновского конезавода, вовсе не каждый в селе верил, что шаг этот добровольный и что человек прибыл сюда не на пересидку, не на месяц-год. Понимали, разумеется, что он не гастролёр, не гостомысл, не варяг. Часто и прежде видывали его в Хреновом, и кому было не известно, что к двухкилометровому поясу асфальтовой дороги от конезавода до санатория он «главную» руку приложил. Всё так, и всё же... Не обошлось без шуток со своими оценками и предсказаниями, вроде: «После коньяка стоит ли вино пить?», «Большой стол на малый не меняют», «Ежели сам не сбежит, то жена уговорит».

Через год все поймут, что всё всерьёз. Но тогда, в самые первые дни, не рассказывать же было Николаю Михайловичу публично, почему именно он здесь? Тогда бы многое просилось в рассказ. Начать хотя с детства – с ночного, с колхозных коняг в Воронежской Лозовке, на которых подростком возил с поля зерно и солому; вспомнить бы и обучение в Конь-Колодезном сельскохозяйственном техникуме, который располагался в бывшем имении

Сенявиных в придонском селе Конь-Колодезь. Сенявины, как и Орловы, немало сделали для славы российского флота. А как не вспомнить про отменную, в сто двадцать лошадей колхозную конюшню в Ново-Александровке, которую Мосолов любовно устроил, когда был там председателем, и придавал ей значение не меньшее, чем автомобильному парку! А в подборе коней помогал Кузнецов, директор конезавода, старший друг. Теперь Кузнецов, десятки деятельных лет отдавший коневодству, решил уйти. Мосолов был первым, кому Кузнецов сказал об этом.

Есть такое состояние – усталость руководителя, вполне понятная в человеке, коль во времени устаёт даже металл, не знающий эмоциональных и нравственных перегрузок. И это драма руководителя – однажды обнаружить, что ты не успел с дневным себе заданием, чего прежде не бывало, а затем увидеть, что и вверенные тебе сотрудники с твоими заданиями задерживаются, и раз, и два, и три исполняют не в срок. А затем почувствовать, как болит сердце, и с каждым днем болит всё сильнее. Резко ухудшающееся здоровье и психологическая подызошенность сплетаются, словно петля.

Кому стать преемником? Обратились в Главк. Однако тамошние направленцы оказались... лучше подальше от них. Шли дни, недели межвластия, и на глазах падали, а то и вовсе уходили дисциплина, порядок на конезаводе. И тогда Николай Михайлович сделал неожиданный для всех шаг. Знали, что готовилось его повышение, а он вдруг запросил скромную должность, захотел пойти непосредственно в низы. Были долгие, непростые беседы в кабинетах областной власти, и в конце концов Мосолов убедил всех, что, став директором Хреновского конезавода, он сможет там быть наиболее полезным, уместным, действенным.

Обернулось именно так. За шестнадцать лет его работы сделано многое: устроена конная часть, выстроены механическая мастерская, крытый зерноток, сенохранилище, гараж, столовая, проложены дороги... А ещё были бега хреновских рысаков на Московском ипподроме – и тройная победа и высшие призы; а ещё – памятник графу Орлову-Чесменскому; а ещё – и возможно, это самое главное – конезавод был убережён от приватизационной растащивки смутных девяностых годов.

Две улицы построены в Хреновом в пору директорства Мосолова. По одной из них – Берёзовой – мы направляемся в степь, на летние выпасы. Берёзовая – чистая ухоженная улица в две связи сосновым духом ещё дышащих домов – и впрямь в берёзах. Чистый сентябрьский день. За рулем “газика” – Николай Михайлович.

Ближний выпас – Солоти. Мирный час, мирная степь, табунки жеребят-полуторагодков и кобыл медленно подвигаются к зелёному, ещё не тронутому осенним увяданием леску. Далёким, родимым повеяло вдруг. Конечно, послевоенного времени гнелки да савраски из колхозной конюшни были не столь ухожены, вольны, знали тяжёлую упряжь, но меж нынешними, здешними коньками и теми, ушедшими словно бы зримо означилась родственная близость. И когда я на серой орловской кобыле по кличке

Лавина проехал к лесу, внезапно испытал знобкое чувство возвращения в детство: словно бы я вновь верхом на той Рыжухе, которую в жаркий полуденный час правлю от колодца на выгон, а её донимают слепни, она машет головой, вся передергивается и вот-вот сбросит маленького седока в густой подорожник.

Бунарка – дальние выпасы. Железными трубами и тросами забран большой клин степи: два вагона труб ушло, чтобы оградить никогда не паханное, в семьдесят гектаров разнотравье, где пасут молодняк. В дальнем углу Бунарок – летнее жилище лошадей: здесь, в легких конюшнях и под навесами, по ночам и в дневные часы отдыха находятся они с весны и до поздней осени. Неподалеку – большой пруд, не сразу видимый за ветлами и осоками; на открытом спуске к пруду – подобие пляжа, песчаный, уходящий в воду язык.

Даже в сентябрьский день в степи словно всё ещё дышит июль: жара здесь окончательно не спала. На десяток верст – тихо, мирно. Только иногда просквозит тень крупной птицы, лишь изредка пройдёт по земле гул бегущего косяка да услышишь оклик табунщика. Здесь, на Бунарке и Солотях, многие прославленные кони набирались солнечной благодати, и кажется, что долго ещё щедрые силы и блага будет давать человеку и коню эта вечноцелинная степь.

У Хреновского конезавода – большие поля. Три отделения – три деревни. Шестикурганье – в самом названии чудится древнее, былинное, богатырское. Куда менее поэтически звучит Шкарино, зато здесь есть улица Москва, что довольно странно для затерянной в степи деревушки, хотя она и примыкает к железной дороге, которая тянется до большой Москвы. Заря – самое, пожалуй, значительное отделение, до революционного переворота тут даже был свой конезавод.

Неподалёку от Зари – в Заринской балке, в Хвощевом логу – каскад прудов, немалые зеркала воды в сухой, безводной степи. Эти пруды ещё на уровне проекта в жёстко централизованные времена “зарубил” техсовет “Водстроя”: мол, устройство прудов в здешних логах не имеет никакого смысла из-за большой фильтрации. Но люди, жившие здесь не набегом и знавшие, чем дышит их земля, думали иначе. И взялись на свой страх и риск довести до конца задуманное. Строить принялись ещё при Кузнецове, и вот уже четверть века семь прудов украшают здешнюю местность, творят микроклимат, радуют человека и коня.

Возвращаемся мы в Хреновое дорогой, прямо выводящей к конезаводскому комплексу, – мимо улицы Беговой, мимо ипподрома, при виде которого Мосолов вспомнил о триумфе Хреновского завода на Московском ипподроме в 1990 году. Тогда три главных приза были завоеваны здешними орловскими рысаками: приз Барса взял Бароскоп, приз Пиона – Капитан, а большой приз – Микропарит. Престижнейший приз Барса, учреждённый ещё в 1923 году, несколько раз доставался Хреновскому конезаводу. А не так давно здешними “арабами”, то есть арабскими рысаками, был завоеван и приз Европы.

У самых стен конезавода Николай Михайлович рассказал, как в пору приватизационной чехарды удалось уберечь конезавод от рук похватистых и своекорыстных. А поратовать за частные руки наезжали и губернаторы, и главный приватизатор области, советовали не чураться новорусских, припожаловавших с тяжёлыми нагрудными золотыми цепями. Те обещали щедрые инвестиции, а взамен желали самую малость: брать с завода ежегодно половину рождённых жеребят и, разумеется, по собственному отбору. Не половину, а четверть, – твёрд был директор, – и по отбору конезавода. Не сошлись!

Сегодня конезавод – акционерное общество. Правда, бывший директор убеждён, что конезаводу всего разумнее быть предприятием государственным. Здесь менее всего надо вести речь о рыночных страстях и оценках. Каким серебром-золотом оценить соседствующий с Битюгом Шипов лес – эстетический, исторический, национальный уголок? Да, подурному его можно на короткое время превратить в денежный мешок, и тем извести под корень. Так и орловский рысак – наше эстетическое, историческое, национальное достояние. И Хреновской конезавод – основной питомник орловской породы – не оценить никаким серебром-золотом. Во всяком случае серебром-золотом – не в первую очередь.

НА ОДНОМ РЫСАКЕ НЕ УЕДЕШЬ

Жизнь идёт своим чередом, заставляя считаться с реальностями самых прекраснодушных с их романтическим, идеальным взглядом на коня.

Конезавод: какие особенности сохранились, какие – утратились? Нынешняя жизнь: чего в ней больше для перспективы конезавода – положительного или отрицательного?

Михаил Михайлович Астахов, нынешний директор, – человек энергичный, знающий и в диалоге ироничный, засмеялся: дескать, всякому вопросу – свой ответ, но вопросами и ответами занимаются люди, а поправляет их, самых умных, жизнь.

Он пришёл на конезавод после Анатолия Ивановича Балбекова, который директорствовал недолго: был избран главой районной администрации. Астахов, на конезаводе с начала 1996 года. Поначалу коня принял как служебную необходимость, а теперь – как душевную потребность. В “коневодческом” диалоге он краток и точен, а суть диалога, достаточно разбросанного тематически, – в одном: конезавод устоит и продолжит свою жизнь и впредь, если в нём будут сосуществовать и историческая, романтическая традиция, и реальность многокомплексного хозяйства, ежели это будут понимать и верхи, и низы и если, наконец, завтра не случатся новые потрясения, будь то левые, будь то правые, новые переломы и уклоны.

Конезавод как таковой часто убыточен экономически. Но не морально. И потому ни монархическая власть, ни советская от него не отказывались. Теперь же, существуя в другой форме собственности – акционерной, он

должен искать и такие формы жизнедеятельности, чтобы перекрыть собственный экономический убыток. Пермский конезавод и поныне держится только на лошадях, и он убыточен. Но Хреновской конезавод – многоотраслевое хозяйство, и его могло бы прокормить только лишь растениеводство: десять тысяч гектаров пахотной чернозёмной земли – это и зерно, и подсолнух, и свёкла, да ещё огородная прибавка; это ещё и кукурузный, травяной силос, он и для лошадей, и для коров – последних почти вровень с лошадьми: около пятисот.

И всё же десятилетняя разруха в стране не могла не отразиться и на самых выносливых. Так что же – сетовать, глаз и рук не поднимать? Или помнить не зря дедами сказанное: помирать собрался, а рожь сей! Да, земля истощена, да, механический парк изношен, и люди работают на несуществующих машинах, когда на бумаге – сотня тракторов, а на поле и десятка не соберёшь. Тут ещё диспаритет цен – убойный, соотношение стоимости зерна и техники преступно несоответственное, губительное для деревни. При таком росте цен на железки, на дизтопливо земля мало-помалу превращается в бурьянный пустырь. Спасение – в коне? Но при такой обстановке и на рысаке, с одной стороны, далеко не ускачешь, и, с другой стороны, не упрячешь же его в стеклянный куб как некий эталон. Кони – живая и хрупкая материя, невесть какими нитями связанная с людьми, природой, общей жизнью. И “конеvodческий” вопрос на пространстве одного конезавода не решишь. По коневодству должна быть территориальная, даже федеральная программа. Пока каждый спасается, как может. А нужна общая воля и вера.

Кони – составная большого хозяйства, пусть и преобладающая, пусть и главная. Но без поля и тех восьмисот человек, что работают на поле, коня по-настоящему, в большом числе не развить, не укрепить, даже если каждого ставить на двойные подковы.

Более пятисот их. Большая часть – орловские рысистые. Меньшая – арабские. И вовсе малая – русские тяжеловозы. Тенденция не то что настораживающая, но заставляющая задуматься: орловская порода убывает, а “арабов” становится всё больше. Что ж, арабская лошадь хорошо ценится на мировом рынке, её охотно покупает заграница, да и на ипподромах “арабы” в последнее время принесли Хреновскому конезаводу несколько побед. И тут невольно вспомнишь, что ещё римляне говорили, что достоинства коня удостоверяют бега и ристалища.

Но и самому коню – без человека знающего и влюблённого – на каком ипподроме побеждать? Такие люди, преданные коню, не перевелись, даст Бог, не переведутся. Но, быть может, дух нынешнего времени заставляет директора произнести невесёлые слова про тех молодых, кто мог бы потянуть коневодческий воз, кто мог бы стать мастерами, наездниками, удальцами-жокеями, кто мог бы завоевать золото на ипподромах страны и мира; но всё чаще видишь их, особенно в сумеречное время, смурых, бесцельно бродящих по сельской улице, или сидящих в скверике в обнимку с бутылкой...

Скучно воронежцу без коня. У иных ещё в памяти весёлая улица Беговая, по которой когда-то народ валом валил на ипподром. Его давно уже нет. Теперь на том весёлом месте – каменные штольни многоэтажек.

Многое потеряла Воронежская область, лишившись ипподрома. Мог бы он и доход приносить немалый, и быть оживлённой территорией отдыха, и служить кругом состязаний рысаков трёх воронежских конезаводов, – тогда бы не пришлось грузить золотых рысистых в товарный вагон, или, хуже того, в тёмный трюм парохода, чтобы верстать ипподромные круги за тридевять земель.

Тотализатор? Есть такое понятие – тотализатор. Это своего рода азартная карточная игра – только на ипподроме. Денежный азарт здесь более, чем где бы то ни было, неуместен. Красота и «золотой телец» – это несовместимое, как поэтическое и вульгарное.

Тут невольно вспоминаешь графа Орлова, который, и увлекающийся человек, и гуляка, и первого в Москве цыганского хора создатель, тем не менее, начисто исключал из ипподромных состязаний ярмарочное начало, бациллы азарта. Как свидетельствуют современники, он никогда, ни при каких обстоятельствах на бегах не бился об заклад.

Нынешнему Хреновскому конезаводу – да богатства бы графа Орлова! Государственного мужа, который не одну сотню коней доставил из-за границы в Россию, только бы на родине создать по силе, резвости и красоте поистине достойного коня. Но что эти фантастические мечтания про былое? Нынешние, послесоветские «графья» не то что завезти что-либо ценное, достойное в Россию, – они саму Россию из России готовы вывезти. Что финансовые, несправедливо добытые ими и переправленные за границу мародёрские миллиарды? Новоявленные граф-мародёры не прочь бы и Кремль разместить на Гибралтаре, на Мальте, в какой-нибудь оффшорной зоне. Да что о них, невесть откуда повсплывавших «золотоискателях»... Лучше – о золотом коне. С него мы начали, им и завершим.

УЕЗЖАЯ – ОСТАТЬСЯ

По железной дороге, где на местном вокзале треть века назад мне пришлось провести долгую осеннюю бессонную ночь, всё так же грохочуще спешат поезда. Вокзал снаружи оклеен коричневой, “под мрамор” пластиковой поделкой. Но пристанционные каштаны, липы и тополя вздымаются в той же неизменной зелёной естественности.

На другом конце села дорога в створе из пирамидальных тополей выводит к санаторию в сосновом лесу – ещё с прошлого века известной кумысолечебнице. Здесь четыре десятка дойных кобылиц берегут как драгоценных: они дают молоко, из которого делают кумыс. Санаторий прирастает новыми корпусами, расширяется.

Растёт и сельское кладбище, что просматривается сквозь колоннаду придорожных тополей: видишь лишь полоску из крестов и пирамид, но

понимаешь, что там, под навесами зелёных крон, покоится несколько таких сёл, как нынешнее – живое.

От конезаводского главного корпуса, от красной церкви тропинка выводит на развилку дорог, и одна из них – к Лесному техникуму. Напротив корпуса мебельной фабрики – сумрачно затенённый кронами, заколоченный дом. Долгие годы в нём жил Александр Иванович Ванин. Выпускник Петербургского императорского лесного института, он более полувека преподавал в Хреновском лесном техникуме, подготовил молодую поросль работников леса, написал учебник, создал замечательный дендропарк.

Дендропарк – живой и ныне, хотя грустное впечатление оставляет этот уголок в осенний безлюдный час: словно бы тронутый человеческой забывчивостью, худо оберегаемый, с кое-где надломленными ветками и сушняковым хмызом. И всё же радетели и оберегатели у него есть, и без их пригляда и ухода дендропарк превратился бы в задичалую глушь.

Каждое дерево и каждый кустик здесь знает Алексей Иванович Исаев. Ученик Ванина, преподаватель лесного техникума, автор нескольких книг о лесе и его служителях, он по весне с учащимися очищает, освобождает дендропарк от сушняка, лечит деревья и кусты, пораненные непогодой или злой человеческой рукой, поддерживает рост слабых.

... Набитая тропинка вдоль бывлой речки, ныне означенной сочными зарослями по оврагу, вдоль мощной стены конезаводского комплекса ведёт к школе. На железной крыше старой хозяйственной постройки белой краской, огромными буквами начертано: «Мы обязательно вернёмся. Выпуск 2000 года...» и помельче – десятка два фамилий.

Мы обязательно вернёмся! Выгорит под солнцем краска, сойдёт от непогод надпись, но какая надежда, какая вера в этих словах!

В один из моих приездов на конезавод служащая конторы принесла в музей вещи своего дедушки, известного до войны тренера-наездника, награждённого высшим орденом тогдашнего государства. Были принесены бумаги, почётные грамоты, нагрудные знаки. И был секундомер. От долгого употребления, ношения в кармане, а ещё больше от времени он поблек, выцвел, стёрся никель сферической крышки. Но его включили, и раздался чистый, тонкий звук, секундомер стал отсчитывать секунду за секундой. Ничто не прерывается. Уходят рекорды, кони, люди. И снова приходят кони, люди. И золотые секунды!

Неподалёку от школы, в сквере, примыкающем к тыльной стороне конезавода, к большим левадам с послеполуденно отдыхающими лошадьми, в густоте огромных тополей не сразу виден чёрно-серый обелиск; а вокруг, на железных досках – фамилии. Их больше тысячи, ушедших из большого села и погибших на полях Великой Отечественной войны. Двое – Герои Советского Союза. Союза – нет. Но героическое не перечеркнуть, не отменить. И не два героя, а все – героини. «А за что погибли эти героини? За какие общечеловеческие ценности?» – так и слышу напористый голосок телевизионного вещателя. Я и сам в какой-то час задавал себе этот вопрос. Но ныне многие многое понимают, и нет смысла объяснять шумливому

телемолодцу, для которого слово Родина, – пережиток и пустой звук, за что сознательно погибает человек.

У обелиска цветы. Вперемешку – свежие и усохшие. Как молодость и старость.

Скоро мне уезжать. Я увидел лишь малую часть того, что есть в здешней жизни. Надежда ещё есть: Россия – живая, пока живое село.

По дороге, к которой выходит сквер, могучий конь – русский тяжеловоз – тянул за собою огромный, доверху мешками нагруженный воз.

А с другой стороны сквера, у левадной изгороди стояла мать, держа на руках малыша. Ребёнок ручонками тянулся к коню, стоявшему у пряслины и задумчиво глядевшему на них.

Кто знает, быть может, этот малыш со временем взнуздает золотого коня?!

ПЕСНЬ О КОНЕ

На земле – гул тяжёлых железнодорожных составов, свистящий шелест колёс на шоссе, в небе – громы низвергающий самолёт, – всюду бегущий, летящий металл в неживом подобии живого бега.

И вдруг в стороне, на широком лугу, отделённом от поля узкой лесной полоской, – словно из полузабытого былого картина: на фоне небесной лазури и земной зелени – табунок вороных – угольно-чёрный островок. А один конь – белый. Трава – по пояс, и кони в траве – будто в зелёной воде. Стоят недвижные и молчаливые, словно обременённые тяжкой думой и долгой памятью. Как долго они стоят – час, год, век?

Но вот один – белый – вскидывает голову и сильной рысью устремляется в даль. Наверное, через луг к не столь далёкому Дону. Кто он? Словно тысячи лет осыпаются с его копыт. Не потомок ли самого Пегаса? Бывал же Пегасов седок – греческий герой Беллерефонт, победитель Химеры, на донских берегах, где ему приходилось испытывать воинственность амазонок; это уже после донской одиссеи его Пегас взлетел на Олимп. Или то потомок Ксанфа, пророческого Ахиллесова коня, мчится предсказать нашу общую судьбу? А скорей всего – конь, рождённый у Осереды, Битюга или Дона, и громкозвучной родословной не имеющий. Что родословная? Как и в каждом человеке, в каждом коне – судьба и тайна мира, в каждом – вселенная. В прославленном Пегасе – безвестный коняга, в безвестном коняге – прославленный Пегас.

На слуху и памяти – строки знаменитых поэтов о коне, перед глазами – великие полотна, гравюры, скульптуры, где в едином порыве люди и кони. Красный конь, белый конь, моренкопф или же вовсе чёрный конь...

Конь или же всадник на коне – частый сюжет искусства. Со времен стародавних идёт высокая романтизация лошади. Наскальный рисунок.

Барельеф лошади со всадником, барельеф колесницы. Кони из бронзы – неукротённые, или под седоком, или в стремительной квадриге. Этих бронзовых красавцев мы и поныне видим на площадях старинных городов, на триумфальных арках и воротах, над колоннадами великих театров и на знаменитых мостах.

Пройдёмся по художественным галереям – и здесь в золочёных рамах кони, кони, кони... Теснятся, гарцуют под седоками, рвутся вдаль, поднимаются на дыбы, грудь на грудь сшибаются в великих сечах.

В Третьяковской галерее видим полотна поистине бессмертные – былинных “Богатырей” на могучих гривастых конях, “Последний кабак у заставы”, где впряженные в дровни лошадки терпеливо ждут своих загулявших хозяев, романтический холст – “Купание красного коня”.

Многое поведала о коне мировая и отечественная литература, и особенно, разумеется, поэзия. Строки Гомера, Сервантеса, Гёте... В пушкинской юношеской “Песни о вещем Олеге” – обращённость к образам Древней Руси, летописность и сказочность, тяготение к старославянскому глаголу, былинная певучесть; а пушкинский “Конь” – и вовсе зримая народная традиция: вещие предчувствия коня, его разговор с человеком, стиливой ряд однообразных зачинов, повторов, устойчивость раз данных определений, когда непременно конь – ретивый, а подковы – серебряны... Та же обращённость к славянскому прошлому, певуче-былинная напевность-протяжность строки и в бунинских стихах – “Святогор”, “На распутье”, “Святогор и Илья”. Или раздольное стихотворение А.К. Толстого с его знаменитым – “Конь несёт меня лихой. – А куда? Не знаю”. Строки Кольцова и Никитина, Майкова и Апухтина, Сурикова и Есенина, Заболоцкого и Твардовского – как высокая песнь о коне, чья жизнь немыслима без человека, и о человеке, чья жизнь немыслима без коня. Иные стихи стали народными песнями.

Читаешь кольцовскую “Песню пахаря” – и чувствуешь благоговейное, труженическое и поэтическое отношение крестьянина-земледельца к матери-земле, к трудяге-сивке:

*Пашенку мы рано
С сивкою распашем,
Зёрнышку сготовим
Колыбель святую.*

Перечитываешь пушкинскую “Зимнюю дорогу” – испытываешь не только эстетическую радость от красоты строк, но словно бы и сам, как некогда предок твой, мчишься в тройке, а вокруг зима, Русь, ямщицкая песня с её удалью и тоской.

*По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.
Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:*

*То раздолье удалое,
То сердечная тоска...*

Народное видение коня – мудрое и наивное, сказочно-поэтическое и житейски-бытовое. В нём он, хранитель небесного света и земного счастья-лада, в сказке ли, былине или песне сторожит родные пределы на заставе богатырской, прокладывает борозды в крестьянском поле, одолевает немеряные вёрсты земных дорог. Это глубокое народное восприятие явственно отозвалось в нашей словесности, где славянская история и русская судьба постигаются и через образы дороги и коня. Помимо пушкинской, сколько ещё троек пронеслось по страницам родной поэзии – в стихах Вяземского, Глинки, Языкова, Огарёва, Некрасова, Полонского, Блока!..

Куда умчались те белые, вороные, гнедые тройки? На свадьбы? На похороны? Куда мчится одинокий всадник и беда или радость ждут его в ненастную ночь? В какую враждебную даль разворачиваются конные дружины и полки, вернутся ли они? Хватит ли сил у крестьянской савраски вспахать бедное поле?

А вот помещичья утеха – охота на волка. А вот табун под всесветной грозой гулко несётся через ночную степь. А вот одинокая лошадь...

Самим своим существованием, своей судьбой конь сложил о себе песню – трудную и прекрасную. На осенних и весенних дорогах. В деревнях и городах. На полях и в горах. В пустынях и на берегах рек. Преодолевая немереные вёрсты бездорожий, болот, сугробов, распутицы, он всегда верен человеку. Он трудно с утра до ночи тянет соху в поле и уставшего пахаря жалеет больше, нежели себя. Он чутко взбирается по горной тропе, боясь уронить седока в пропасть. Он в метельную ночь доставляет уже отчаявшегося хозяина к тёплому очагу. Он терпеливо дожидается уснувшего, ослабшего в дороге, раненого, больного. Он долго не покидает погибшего воина, стоит часами, оплакивая его. Он, белый, уносит человека в многообещающую жизнь на тройке свадебной, он же, чёрный, похоронной процессией завершает его земной путь, доставляя его в вечный дом.

В мае 1945 года на гулкокопытном коне прискакал в село нарочный с вестью о Победе – как радовалось и плакало село, а конь поскакал в соседние деревни, и был он мосласт и, наверное, не родовит, подобен другим на деревенской конюшне, но не одному ребёнку запомнился сказочно-былинным, летящим вестником победы. А ещё запомнилось на всю жизнь, как из районного городка худародный Буланый вёз селу на скриплой подводе несколько мешков посевного зерна, и надо было спешить, чтобы в послевоенный голодный год в нужный час засеять поле. И конь, никем не понукаемый, шёл быстрым шагом, словно всё понимал.

Моим сверстникам, верно, и поныне вспоминаются и видятся давно ушедшие кони послевоенного детства. Непрославленные савраски, пегие, соловые, каурые коняки, это они пахали и сеяли, волокли плуг и борону, в грязь и снег возили неподъёмное что придётся; кони-хлебопашцы, кони-

трудяги, глядевшие на нас из ночного печальными, понимающими глазами. И даже когда словно копытами били по нашим детским душам экранные лошади восточных и западных нашествий на Русь или же приманчиво проносились киношные кони на параде, в цирке, на празднике, они – погас экран – тут же и словно пропадали в степях и ночах, забывались. А савраски, спасители деревни, были нашими неизменными друзьями, отрадой и болью наших детских сердец.

А если вспоминается книжное о коне, – чаще всего потрясающий сон Раскольникова из «Преступления и наказания», из книги-жизни, в которой безжалостно, до полусмерти бьют именно савраску, коня-труженика. Великий писатель, чуткий к любой несправедливости, запечатлел не только боль человеческую, но и боль лошадиную. И картина жестокого сна – как обжигающая правда о судьбе коня, но и о судьбе человека – тоже. По человеческой воле не только человек страдает, но и конь. Из столетия в столетие, от сечи к сече, от страды к страде он идёт на гибель или влачит жизнь подневольную – гнётся под вьюками, изнуряется в глубоких шахтах, слепнет, годами не видя солнца, надрывается в непосильной упряжи.

Существуй «написанная» лошадьми книга, что бы в ней было о нас, людях? Столь бы поэтичными в их эпосе предстали королевские, дворянские праздные охоты, рыцарские турниры, почтовые тракты с верстовыми столбами, конно-верховые и упряжные бега? Ведь всюду – от цирка и ипподрома до вечного круга на кружиле – они невольники, в какие их золотые сбруи и парчовые попоны ни обряди.

Может, есть жестокая и печальная правда в бунинских строках из лучшей его книги – лебединой песни о Руси монархической, уходящей: «Каждая лошадь имеет в году свой заветный день, когда она норовит убить человека в отместку за своё рабство у него, за свою лошадиную жизнь, заключающуюся в постоянном ожиданье запряжки, в исполненье своего странного назначения на свете – только возить, только бегать...» А далее – о драме отношений лошади и человека, предопределённой невозможности их диалога, разве что сказочного: «страшна была её роковая бессловесность, это веки ничем не могущее быть расторгнутым молчание, немота существа, столь мне близкого и так же, как я, живого, разумного, чувствующего, и ещё страшней – сказочная возможность, что она вдруг нарушит молчание...»

Мир не погиб, пока он Божий, пока в нём есть поле и небо. И конь в поле под солнечным небом – как образ вечности; вечности, но хрупкой. Чем ни сильнее мир железа и синтетики, тем слабее наши души и всё, душе сопутствующее, – и конь тоже...

Когда-то, в глубинные времена, лошади перебрались из Северной Америки через перешеек на Евразийский материк. А долгие века спустя испанские корабли вернули их Америке. И многие лошади вновь стали дикими... Судьба географически, исторически (да и не только) удивительная. Судьба, таящая смысл, который не разгадан и, наверное, уже не будет разгадан...

Ныне лошадь – вне главных житейских дорог. Ныне конные ярмарки и выставки если не сметены, то решительно потеснены аукционами машин. Свадьбы теперь сопровождаются не тройками с бубенцами, а кортежами иномарок. С конём (не по службе, а по сердцу) остаются только самые преданные. И, по счастью, нередко – молодые. Для них конь – жизнь. Вот из времени недавнего: молодая аргентинская чета совершила свадебное путешествие через всю Америку – от Огненной Земли до северной канадской столицы – верхом на конях.

Приречный луг под звёздным небом. Космический спутник пронзает небесную высь. И на холме – мальчик, зовущий коня...

Сойдёшь с асфальтовой дороги, сойдёшь в травяной мир. Горчит полынь, перебарывая бензиновый запах. В лесопосадке – словно бы нечаянно – конь. Откуда он здесь?

Подойти, как в детстве, посмотреть в огромные глаза.

– Кось! Кось!

Но конь, переступив передними копытами, вдруг уходит, убыстряя шаг.

Вернись, вороной!

Уходит, оставляя тихое ржанье.

Вернитесь, вороные, гнедые, серые и белые, буланные и чубарые...

Или не от человека, но от человечества уходят они?..

Кони, куда вы?

Колесница Истории, за века набрав немыслимую скорость, мчится через мгновенное настоящее в бесконечное будущее, но прошлое с конями на триумфальных арках земного шара, с памятью и надеждами неотступно следует за нею, словно понимая, что без него никакое будущее не состоится.

Люди, куда мы?

1967, 1977, 2000-2001